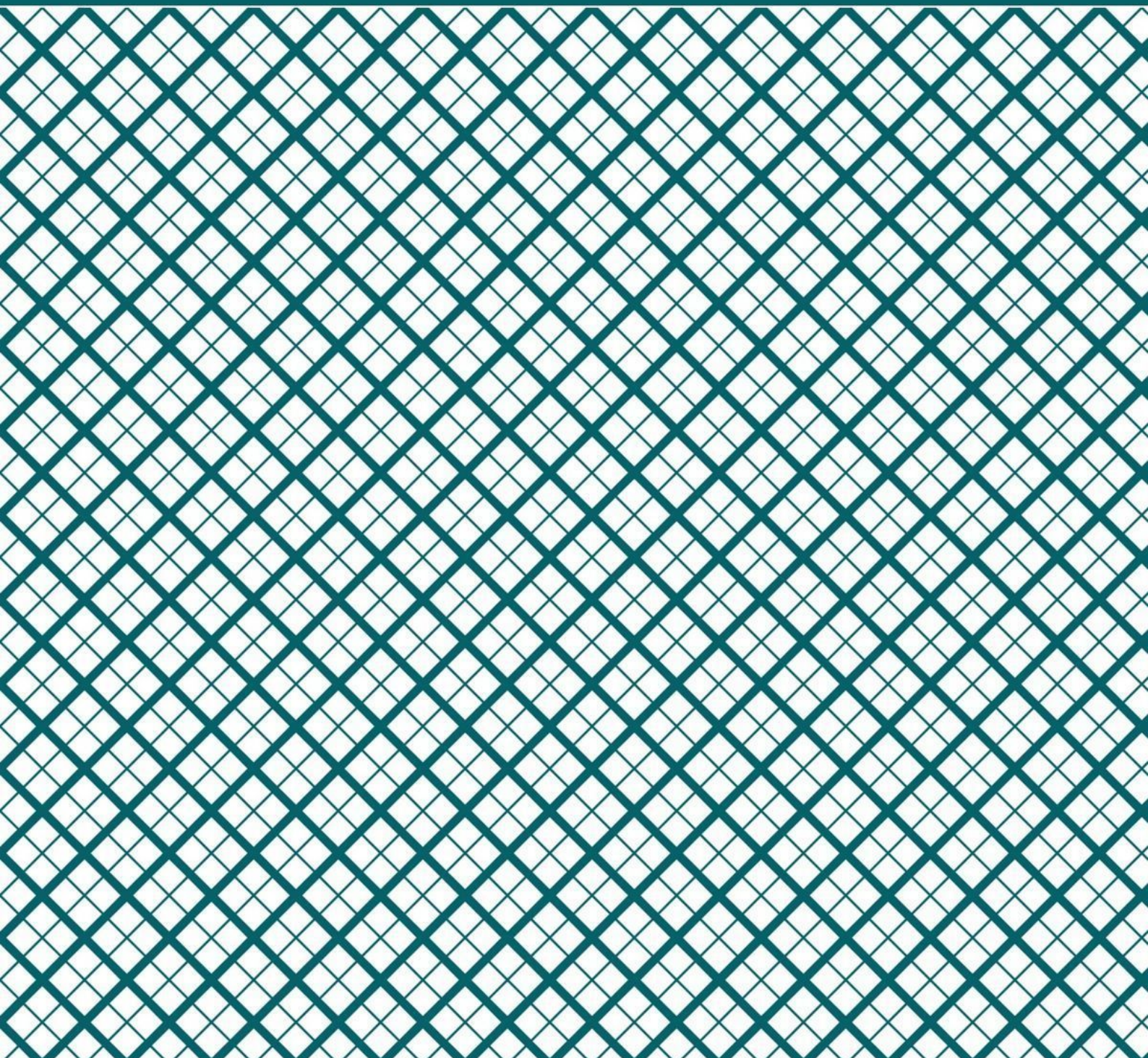

Александр Найдёнов

Рассказы

Александр Найдёнов

Рассказы

«Издательские решения»

Найдёнов А.

Рассказы / А. Найдёнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903321-5

В сборнике опубликованы рассказы, реалистично и ярко показывающие жизнь российской глубинки и происходящие в ней изменения.

ISBN 978-5-44-903321-5

© Найдёнов А.
© Издательские решения

Содержание

Эхо	6
1	6
2	11
3	16
4	17
5	18
6	19
7	20
8	21
90-60-90	22
1	22
2	25
Дикарь, трескун, романтик	29
1	29
3	32
2	34
Конская голова	37
1	37
2	40
3	43
Петровна и Сережа	45
Лучшая коллекция ненужных воспоминаний	50
1	50
2	53
Больше света белого	57
1	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рассказы

Александр Найдёнов

© Александр Найдёнов, 2018

ISBN 978-5-4490-3321-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эхо

1

Витька вспоминал, все ли у них с дедом приготовлено для рыбалки? Есть малинка, черви и хлебный мякиш. Нету комаров, козявок и матарашек. Нету мормышей. Мормышей в поселке и не добыть, они водятся далеко, в верховьях пруда, на нападавших в воду ветках.

Витька спрыгнул с лавки, пошел к двери, засопел там, надевая кроссовки.

– Ты куда собрался? – крикнула ему с кухни мать.

– Матарашек иду ловить! – крикнул ей в ответ Витька, или может, он и не крикнул, просто звонкий голос такой у него.

– К берегу не подходи! Понял?!

– Понял! – натужно ответил Витька, спиной отворяя толстую тяжелую дверь.

В сенках маленькое окошко освещало только стену напротив. От полумрака в углах делалось жутко. Если бы не бык на стене, если бы не шум с Водной станции, Витька ни за что бы не отважился тут бывать в одиночку. Как ни подмывало его скорей убежать отсюда, но не мог он не погладить быка – ведь тому в сенях тоже одиноко и страшно. Витька жалел его как живого, хоть этот бык – всего-навсего мазок бурой краски с потеками, кем-то ляпнутый кистью на стену. Стекшие капли засохли, будто тонкие ноги. Сколько их было, ног, Витька не знал, потому что считать не умел, да и неважно это было ему. Ладонью проведя по спине и холке быка, Витька ухватился за железную щеколду и потянул на себя наружную дверь.

Сощурился от солнца, он перешагнул за порог, в душный июльский воздух. Во дворе баба Шура весила на веревку белье. Чтоб она не подумала, что ее внук отправился куда-то шалить и не задержала его, Витька пошел медленно. Идти медленно гораздо тяжелей, чем бежать.

– Ты куда это, дружок? – все равно окликнула бабушка.

– Матарашек иду ловить!

– К берегу чтоб – ни-ни! А то – никакой рыбалки!

– Ладно! – ответил Витька, скрываясь, наконец, за воротами.

Дом, в котором они живут, двухэтажный, длинный, из серых толстенных бревен, называется он – барак. Кроме Витьки с его семьей, обитает в нем много бабушек. Эти окна – там баба Вера, а над ней, в комнате наверху, Лаптева баба Валя; сбоку от нее, за стеной – Сорокина, звать ее баба Клава. Дальше – баба Люда и баба Оля. Через окна в доме бабушки все замечают и всегда все знают про Витьку. Дедушек же у него всего ничего, их лишь двое: деда Паша – муж бабы Шуры, да в комнате на углу Соколов. Он – Бобыль. Только Витьке наказали строго-настрою, чтобы Бобылем его он не звал. Витька называет его дедом. Дедом просто – и все.

Витька шел, шел вдоль дома – и не выдержал, побежал, чтоб скорее его пройти. Миновав дом, он взбежал на пригорок, где дуплистый тополь, огромный, почти до неба, и за тополем свернул вправо, на поляну у Водной станции. Эта поляна вся, за исключением узкой дорожки, поросла густой травой. Витька двинулся в траву с опаской, чтоб крапивой не изжалить голые руки и ноги – и лопухи, точно зеленые зонтики, сомкнулись над его головой. Здесь, под лопухами в траве много всякой живности, мух, комаров, – нужно только выследить и поймать, а в кармане у Витьки есть спичечный коробок, который ему надо наполнить. Добыча вскоре нашлась: толстый комар с пушистой мордочкой сидел, не улетая, на тыльной стороне лопуха. Витька, не дыша, взял пальцами комара за зеленое тельце и опустил в коробок, потом приложил коробок к уху и слушал, но комар не зудел, он еще не проснулся, быть может.

Матарашки, как всегда в теплый день, затеяли свои танцы – то взлетая ввысь, то припадая к земле. Матарашки – словно маленькие стрекозы, только на конце хвоста у каждой из них

болтается по два волоска. Матарашек удобнее ловить кепкой, если орудовать ей точно сачком. Витька крался по поляне и взмахивал кепкой, и не сразу, но все-таки зачерпнул одну матарашку. Он осторожно, чтобы не надломить ее трепетавшие крылья, протиснул ее в щелочку коробка, снова слушал коробок ухом – и опять не разобрал ничего. Звуки заглушал шум с Водной станции, потому что станция – вот уж, рядом.

Желтый, обшитый досками, дом Водной станции со стороны поляны был невысок, но другая его стена, обращенная к пруду, спускалась до самого берега крутыми ступенями трибуны, огромной, во весь фасад здания. Водную окольцовывала крытая колоннада.

Витька сомневался один лишь миг – и припустил в колоннаду, чтобы посмотреть пруд. К берегу он не приблизится – нашел он для себя оправдание. Не поляне не осталось ни души, а впереди, на трибуне, загорала толпа народу. Витька, смяв козырек фуражки, уткнулся лбом в деревянную решетку перил – чтоб рассматривать отдыхающих. Нескольких из них он узнал. Тот вон, с мускулистой спиной, веселый – это Софа. Его бояться даже взрослые. Витька помнит, ему рассказывали, что Софа когда-то дрался и побил тут взрослого мужика! Софа – не имя его, кликуха. А теперь вот Софа как ни в чем не бывало, расселся на ступени и пересмешается с девками. Девки же хохочут, зубоскалят так, словно он им совсем не страшен. Или просто они не знают, что он смог побить мужика?

Пруд блестел от солнца чешуею крупной волны, и нигде не видно было рыбачьих лодок. Может, там, за Белым камнем, в заливах, где волна наверно слабее, кто-то с удочкой и рыбалит, но отсюда не разглядеть.

Над Водной станцией, над дальним берегом, стояли в небе пацаны, забравшиеся на вышку. Один из них, на вид не меньше, чем пятиклассник, собрался с нее нырять. Он медлил там, на самом краю, готовился, смотрел вниз. В воде под вышкой – обрыв, ужасная глубина. И парень не решился, он отступил, придвинулся, держась за поручни, поближе к друзьям. И что-то говорил им, смеялся – как будто он ничуть и не струсил. Потом неторопливо закатывал штанины на черных своих трусах, изображал, что замешка вся из-за них – надо, чтоб были плавки. Затем он вернулся к краю, еще помедлил – и наконец шагнул. Склонив лицо вперед, он глядел на воду под собой все время, покуда падал. Он так и воткнулся в волны – ступнями, грудью и наклоненным лицом, – исчез, провалился в пруд, выбив оттуда брызги. Но вот он появился опять, руками барахтая по-собачьи. Похоже, он ошалел, не видел куда ему плыть, от попавшей в глаза воды.

Витька знал, что кроме «как по-собачьи», плавать можно техникой брас, по морскому и на спине. Знать-то знал, но плавать не мог, сколько бы его не учила, придерживая за живот его мама. Он стыдился за свою бестолковость. Куда ни посмотри – он видел, – все тут умеют плавать. Как им это всем удалось? Может, в «лягушатниках» есть те, кто сегодня учится? Витьке захотелось взглянуть.

Придерживаясь за балясины лестницы, он боком, приседая на каждой ступени и нижнюю ступеньку нащупывая своей загорелой ногой, спустился на тротуарчик между Водной и берегом.

В «лягушатниках» было больше детей, чем в лесу муравьев. Как ни обидно признать, все они, даже девчонки, плавали лучше его, хотя и вдоль бортика, но тем не менее плавали, а не ходили по дну. В «лягушатниках» дно – из скользких, тиной покрытых досок. Витька узнал о них, когда испытал тот способ, каким выучился плавать Бобыль. Когда дед Бобыль был ребенком, его отец, которого теперь нет, взял с собою Бобыля в лодку, потом вдруг поднял за подмышки и кинул в воду. Бобыль так напугался тогда, что сразу поплыл. Несколько дней назад Витька решил прыгнуть с бортика в «лягушатник» – испугаться чтоб и поплыть. Он задержал дыхание, плюхнулся в воду – и утонул. Подошвами он коснулся склизкого дна, выпрямился во весь свой маленький рост и вытаращил глаза. Вода изнутри оказалась еще темней, чем выглядела снаружи, коричневой и только над головой делалась немного прозрачней.

Витька растерялся – что ему делать дальше? Почему-то он не поплыл. Он поднял руку вверх, меряя, насколько он глубоко? Вдруг руку его сверху кто-то залапал и выдернул его на поверхность. Это оказался школьник с мокрым «ершиком» на макушке и с усмешкой во все лицо. Выведав у Витьки, в чем дело, он тут же начал орать: «Ребята, я мелкого спас! Смотрю, а в глублине ладонь! Я дернул – а это он!» Он требовал, чтоб Витька подтвердил, что он не врет. И Витька подтверждал, хоть сам и не уверен был, действительно его спасли или нет?..

Оглянувшись, Витька заметил, что в колоннаду Водной с поляны вошла его мама. И Витька струсил, он вспомнил про рыбалку и про угрозы. Да что рыбалка! Если мама его увидит у берега, тогда уж точно подзатыльников не миновать. Но пока она на верху – и Витька что есть духу, стреканул домой по тротуару вдоль берега, стараясь не запнуться о бугры асфальта и трещины. Добежав до пристани, где качались на привязи лодки, он свернул от берега к дому, вбежал во двор, протопал между веревок с бельем и, совсем уже запыхавшись, забрался в доме в свою кровать. Покидав на стул рубашку, шорты, он отвернулся к стене, укрылся простыней, притворился спящим.

«Когда мама вернется, разъяренная, то увидит, что он давным-давно дома, даже успел уснуть. Не станет же она будить его, чтобы отшлепать?» – думал Витька, прислушиваясь. Он и правда начал задремывать и уже сквозь сон чувствовал, как мать подошла к нему и пощупала его лоб.

Еще не светало, когда дед Бобыль в резиновых сапогах утром пошел к причалу. Углы дома он обходил подальше, потому что нес на плече весла и два кола, многометровых, вибрирующих на каждом шагу, в другой руке он держал ведро с рыболовным скарбом.

На причале дед деловито, не торопясь, воткнул весла в ключины лодки, завел колья толстыми, околоченными жестью концами под переднее сиденье и тонкими их концами при этом взбултыхнул воду за кормой в зеркальном пруду.

Вторым рейсом дед притащил из дома, сутулясь, лодочный мотор и бачок. Он привинтил мотор на корме, подкачал через шланг бензина из бака и отправился снова к дому, но пошел не к себе, а в ворота за Витькой.

Витьку уже вынесла, тепло одетого, его бабушка и передала, сонного, с рук на руки Бобылю. Витька отодвинул свое лицо от дедовой колючей щеки и притих у него на плече. Он не проснулся, когда Бобыль понес его к пруду, и когда укладывал в лодку, на ватник, постеленный в носу между кольями. Не проснулся, когда загудел мотор и лодка, ускоряясь, тронулась от причала. Разбудили его влажная свежесть и чувство полета, когда лодка от скорости подняла над водой нос. Витька шевельнулся, увидел деда, управляющего мотором и за дедом на пруду след от лодки, расширяющийся назад. Он увидел сквозь проясневший воздух, подбеленный туманом, игрушечную вышку на берегу и Водную станцию, и крохотный отчий дом.

«Лежи! – перекрикивая встречный поток, скомандовал дед. – Не возись! А то выпадешь!»

Витька знал сам, что в дороге надо лежать, он и не пытался подняться. Лежать на ватнике так приятно! Мотор все гнал лодку вперед, вперед. Задирался нос лодки кверху. Мягко хлопала вода под затылком. Небо было чуть розоватым, нежным и очень чистым. Витька опять уснул.

Он проснулся от тишины. Ему показалось, тишина наступила внезапно, но когда он сел на фуфайке и осмотрелся, понял, что приплыли они давно: дед уже воткнул один кол и теперь балансировал, стоя в лодке, с другим. Он погрузил окованный, заостренный конец кола, перехватывая ладонями, затолкнул вертикально в воду весь кол, осталась только тоненькая вершина. Дед, держась за вершину, с размаху вонзил кол в дно и привязал вершину к лодке кожаным ремешком. Потом уселся на сиденье, начал вынимать из ведра прикормку для рыб и удочки.

Витька постарался определить, далеко ли они уплыли, он увидел на берегу скалу, поросшую лесом и сообразил, что далеко, почти что до самой речки.

Дед утопил на жилке в пруд кормушку с перловой кашей, несколько раз резко взмахнул вверх рукой, чтобы открылась крышка, затем смотал жилку – и кормушку с болтающейся крышкой достал. Начал приготавливать удочки.

На рабалке дед неизменно размещался на средней скамейке, здесь ему удобнее раскладывать удочки: он рыбачил всегда тремя, укладывая их рукояти на весло, извлеченное из уключины. А у Витьки удочка лишь одна, и поэтому Витька не ложит, а всегда ее держит в руках. Но зато она красная и красивая, легенькая, пластмассовая, ее подарила мама. А от папы подарков у Витьки нет, про него в семье говорили, что он удрал. Рыбачит Витька всегда в корме, где ему можно опираться спиной о мотор.

Под внимательным взглядом деда Витька перебрался из носа лодки на свое законное место в корму, усевшись, он протянул Бобылю коробок и сказал: «Дед, ты мне прицепи матарашку. Осторожно. Там комар. Улетит».

Дед зажал пальцами блесну от Витькиной удочки, сдвинул крышку у коробка и достал из него матарашку.

– А комара там и нуту, – вымолвил дед.

– Как нету?

– Так. Сам смотри.

Витька не понимал, куда его комар делся? Из коробка он не вылетел – Витька б заметил: он следил за руками деда. Витька закрутил головой. Над прудом пролетали кое-где комары, в отдалении от лодки – значит, это были другие. Он едва не заревел как девчонка, но сдержался, лишь пошмыгал немного носом.

Дед воткнул крючок в живот матарашке. Утром матарашка почти что не трепыхалась, она лапками обхватила железо блесны и тело ее согнулось по форме крючка. Дед откинул блесну с матарашкой в воду и отдал удочку Витьке.

Витька знал, как рыбачить – надо дожидаться, когда блесна прикоснется дна, жилка вся при этом распутается, потом удочку медленно поднимать и потряхивать, чтобы подманить рыбу.

Бобыль как всегда поймал первым. Он подсек и стремительно за жилку извлек из воды блестящего, гнущего хвостом окунька. Зачерпнув из пруда воду ведром, дед пустил окунька в ведро и ведро это поставил поближе к Витьке. Когда Витька был маленьким, то на этом вся его рыбалка заканчивалась, все оставшееся время он следил за рыбой в ведре. Но теперь он вырос – ему хотелось что-нибудь поймать самому. Двигать удочкой вверх и вниз, предвкушая, как дернется ниппель, являлось наслаждением для Витьки. Впрочем, у него не клевалось, а Бобыль успел поймать чебака.

– Ты проверь. Вдруг там жало? Рыба с жалом на крючок не клюет, она видит, – посоветовал ему дед, надевая на блесну хлебный мякиш.

На рыбалке Витька с дедом обычно молчали, чтобы не пугать рыб, только им и молча было нескучно.

Витька стал вытаскивать блесну, она еще кружилась в воде, а он уж заметил, что крючок совершенно пуст, матарашка его исчезла: должно быть, ее сдернула рыба. Дед насадил ему червяка. Едва успел крючок утонуть, как ниппель на удочке дернулся, Витька, не чувствуя рук от волнения, выронил удочку в лодку и, перепутав всю жилку, вытащил рыбку на борт. Дед перехватил у него рыбешку, чтобы она не сорвалась. Это тоже был окунь, меньше дедова, но очень красивый.

– Молодец! будет Ваське твоему еда! – похвалил Бобыль Витьку, опуская в ведро окунька. Окунек начал плавать в ведре кругами и обнюхивать стенки, на других рыб он внимания не обращал, также как и они на него. Витька его разглядывал и совсем перестал рыбачить.

Утреннее нежаркое солнце поднялось уже высоко, потянулись по пруду полосы мелкой ряби от подувшего ветерка.

– Что ты? Замерз? – спросил дед, увидев, что Витька вздрагивает.

– Да. Разведи костер.

Дед охотно собрал удочки, отвязал лодку от кольев и, оставив их торчать из воды, погреб на веслах к ближайшему берегу. Разводить костры он любил. Витька, сидел на корме лицом к Бобылю, смотрел, как Бобыль гребет, ритмично откидываясь назад и упираясь сапогами в дно лодки. Когда Бобыль на веслах, Витьке разрешалось в корме держаться за рукоятку мотора. Только держаться, но не крутить ее. И поворачивать за рукоятку мотор тоже ему нельзя. Потому что мотор у них самый лучший, называется он «Москва», дед говорит, что в нем десять сил. Есть в поселке у мужиков другие моторы: «Ветерок», «Вихрь», дед говорит, что они мощней, но Витька ему не верит. Как поверить этому, если дед на своем моторе обгоняет на пруду всех подряд? На соревнованиях в День моряка, когда гоняются моторные лодки, дед всегда приходит к финишу первым. Один раз он получил в награду гитару, а в другой раз часы. Но гитару Витька разбил, когда уронил с гвоздя, и теперь она не играет.

– Дед, как тебя научили плавать? – после долгого молчания вымолвил Витька.

– Я тебе уже... сто раз.. говорил... – отмахивая веслами путь, ответил Бобыль и рассказывать не стал, вместо этого оглянулся, посмотрел, куда направляться. Оставалось несколько гребков. Лодка бесшумно уткнулась в берег, в самую траву. Бобыль встал и шагнул на сушу ловко – даже не смочил ног. Он приподнял лодку за нос и потащил из воды, чтобы днище легло в песок, а потом на всякий случай обкрутил цепочку вокруг ближайшего кустика. Витька, подражая деду, тоже прыгнул на траву. Они принялись бродить возле берега, подбирать упавшие ветки. Под деревьями кое-где еще сверкала роса. Как всегда в лесу тишина казалась торжественной, от нее щемило в груди.

Для костра Бобылем ценились хвойные ветки с красными иглами. Им сегодня повезло отыскать таких целое деревце, рухнувшее, засохшее. Бобыль топал по нему сапогом, отламывая сучки, Витька таскал их к берегу. Когда накопилась куча, дед подошел и встал перед ней на колени, начал мудрить, обдирая иглы в щепоточку. Ему хотелось, чтоб костер запылал с первой спички, и еще хотелось, чтобы Витька это увидел. И он, правда, с первой спички зажег, а потом отсел от веток, набирающихся жаром, на покатый, серый камень-гранит.

Витька согрелся еще, когда бегал по берегу, но подсел поближе к костру, на ворох запасных веток – чтобы смотреть на пламя, на уносящиеся от сучьев и исчезающие в воздухе длинные и короткие языки.

– Он, главное, бросил меня. Смотрит – и молчит. Я ору. Он молчит, – вдруг произнес Бобыль, следуя своим мыслям. Витька удивленно воззрился на него сквозь огонь, разглядел знакомые косматые брови, блестящие глаза, устремленные на костер, красное, морщинистое лицо.

Бобыль умолк, уставясь на пламя, словно оттуда, а не от Витьки ждал он ответа.

Но ответа, конечно, не было. Чтоб его получить, ему нужно было уметь заглядывать в пламя далеко-далеко, сквозь много и много лет.

2

Такое же было лето, только август, а не июль, и тогда, в этом августе, участковый инспектор Новиков конвоировал к бараку у Водной станции одного допризывника. Парнишка рост имел невысокий, но зато был строен, широк в плечах и, хотя волок на спине котомку, все равно шагал резво, чтобы от участкового не отстать. Всю дорогу они молчали, лишь поглядывали оба, насупившись, на встречаемых ребятишек и баб.

Подойдя к бараку, Новиков спросил допризывника, которые его окна и, узнав, принялся барабанить в наличники, требуя отворить. Наконец он понял, что ему не откроют, направился к двери, но она распахнулась и навстречу ему из дома выскочила девчонка приблизительно лет пяти.

– Стой! Ты кто? Как тебя зовут? – спросил Новиков, постаравшись не напугать.

Девчонка встала как вкопанная.

– Оля, – ответила она еле слышно.

– Старшие дома есть?

– Да.

– Позови сюда, – приказал участковый, не желая со свежего воздуха заходить в вонючие коридоры.

Девчонка шмыгнула в дверь, мелькнув босыми ногами. Спустя минуту она вернулась, скрываясь позади другой девчушки, чуть постарше ее, лет семи.

– Вот так взрослые! – вымолвил участковый. – Звать-то как тебя? – спросил он у старшей.

– Люда, – промолвила та, почти также тихо, как первая.

– Сестры что ли вы?

– Сестры.

Обе маленькие сестры во все глаза смотрели на Новикова, запрокинув назад свои белокурые головки с косичками, увлекло их не лицо его, а военная фуражка с лакированным козырьком, да петлицы и железные пуговицы на гимнастерке, и еще ремень со звездой.

– Ладно, сестры, ведите в дом, разберемся сейчас, кто там есть, – распорядился участковый, и вчетвером они вошли в коридор.

Тут действительно пахло кошкой. Внутри дома выяснилось, что квартир на этаже пять.

– Которая ваша? Эта? – спросил он у пацана и застучал кулаком по дощатой, коричневой двери.

– Нету никого, говорю ведь. Я бы сам дошел, – проворчал ему паренек. – На заводе мамка, в дневную смену.

– Мы уж как-нибудь без сопливых.

Из соседней двери на шум выглянула черноволосая кудрявая женщина с миловидным лицом.

– О! – воскликнул Новиков, – Вот и старшие! Знаете его? – спросил он, кивнув пальцем в сторону допризывника.

– Мы не знакомы, нет, – удивила ответом женщина, впрочем, сразу же пояснила: Мы всего тут первый день, прямо с поезда. Мы из Белоруссии, беженцы, – она старалась говорить ласково, а в глазах была настороженность.

– Во-о-на что! – в растяжку произнес участковый и выровнял фуражку по линии носа, – Документики есть у вас? Предъявите-ка для проверки.

– Есть, конечно. Как же без документов? Вы бы в комнату прошли. Проходите. Я сейчас их вам предъявлю. Не снимайте обуви, тут не мыто.

Зря она беспокоилась, Новиков и не думал снимать свои яловые, надраенные до блеска, военные сапоги.

В комнатухе на два окна обнаружилось, что гражданка прибыла не одна. При появлении милиционера вскочил с железной кровати юнец и представлен был сыном, Осипом. Прежде чем читать поданные ему справки и паспорта, Новиков оглянулся и скомандовал двум девчонкам:

– Ну-ка, сестры, кругом! Шагом марш! Тут без вас тесно.

Прогнав малышей, он уселся на табурет и занялся чтением.

– Значит, из-под Минска вы?

– Из-под Менска, – подтвердила женщина.

– И с завода, значит, вы А-504?.. – переспрашивал Новиков то, что узнавал из бумаг. –

Осип, говорите, а по паспорту он Иосиф. Это как понять?

– Да Иосиф, Осип. Мы уже так привыкли с сыном промеж собой, чтоб короче – Осипом, да и все, – оживленно ответила женщина, стараясь показаться веселее, чем на самом деле была. Она знала, что мужчины снисходительнее к веселым.

– Предположим, пусть будет так, – сказал инспектор, пристально уставясь на хорошенькую смуглянку. – Вы кем на заводе этом работаете, который эвакуирован?

– На заводе? Я? Я никем, – вынужденно созналась женщина, все еще улыбаясь.

– Как тогда вам в эшелон разрешили? – резонно спросил инспектор.

– Разрешили. Почему бы не разрешить? Посадили, взяли с собой. Там ведь немцы. Надо было спастись, – растеряв всю веселость, ответила женщина, отводя набок взгляд. – Я устроюсь к ним. Завтра мне велели придти – товарищ Савченко, их директор и товарищ Сидоров, его зам.

Новиков помолчал минуту, безотрывно глядя эвакуированной в лицо, и минута эта показалась ей долгой.

– Значит так, – наконец сказал он. – Этот вот пострел, ваш сосед, – указал он на подконвойного, – Пусть пока будет здесь. Передайте его с рук на руки его матери. И скажите ей – пусть она ему объяснит, что война не место для подобных салаг.

От этих слов подконвойный фыркнул. Новиков строго посмотрел на него, но не нашел нужным с ним разговаривать.

– Вы вот видели войну, подтвердите, – продолжал он наставление женщине. – От таких как он, которые под ногами. И туда – сюда. И потом пойми: на войну он, как говорит? А вдруг шпион? А? Вот то-то. Этого выловили на станции, под Тагилом. Приказали вернуть. А могли бы приказать что другое. Потому что – кто его знает? Не то время сейчас расслабляться чтобы. Бдительность нужна, я к тому. А такие вот бегунки отвлекают от работы взрослых людей. Дезорганизуют тыл. Вручат тебе повестку! – обратился он к пацану. – И тогда, пожалуйста, ступай и воюй...

– В общем, матери скажите, чтобы провела с ним беседу. А я буду проверять сам, где он теперь и что? Он теперь у меня под контролем. Потому что я тут безобразничать не позволю! – возвысил голос Новиков и потряс перед парнем своим указательным пальцем с черным побитым ногтем.

Женщина поняла, что официальная часть беседы закончена.

– Может, чаю попьете? – предложила она, снова разулыбавшись. – Осип, быстро, разожги примус.

– А, у вас примус есть? Привезли с собою оттуда?

– Как без примуса? Воду кипятить нужно.

– Это точно! – вымолвил Новиков, от ее улыбки смягчаясь. – Но я как-нибудь в другой раз, я сейчас не могу, я на службе. Некогда чай гонять. До свидания. Если нужно будет помочь – с работой там или что – обращайтесь, не стесняйтесь, я тут часто прохожу мимо, – вымолвил он почти ласково. Но сейчас же он посуровел, чтобы на прощанье окинуть бегунка внушительным взором. А на Осипа почти не обратил он внимания.

Участковый шагнул в дверь, нагнув голову, чтобы не удариться о притолоку, и двинул по коридору – в своей фуражке с лакированным козырьком, в гимнастерке с кожаным ремнем, в галифе и в сапогах с блеском, – и, совсем военный на вид, прошагал мимо двух сестер, Оли с Людой, которые вжались в стену. Когда его шаги стихли, женщина обратилась к гостю:

– Ну, давайте, познакомимся, сосед. Я надеюсь, что мы подружимся. Тебя как зовут?

– Костя. Соколов Костя, – отвечал допризывник.

– Это Осип, мой сын. Ну, ты слышал разговор. А меня зовут тетя Роза. Тебе сколько лет? В школе учишься? – вежливо, но настойчиво допытывалась она, желая понять, с какой компанией должен теперь общаться ее ребенок.

– Я зачислен в десятый, – выбуркнул Костя, которому назойливость ее не понравилась. – Я пойду к себе, вещи сложу.

Роза не успела ответить, потому что в дверь постучали и на позволение хозяйки: «Открыто!», в комнату вошла девушка.

– Здрасьте! – поспешно от порога поздоровалась она со всеми, кто были тут. – Костыка, мне сказали, что ты вернулся!

Он молчал, и она обратилась к Розе:

– Мы тоже в доме этом живем, только в другом подъезде. Меня Ниной звать. Он сбежал и никому не сказал, лишь письмо оставил. Тетя Клава так убивалась! Она очень войны боится. Я ей говорила, что он вернется!

Костя хмуро посмотрел на нее.

– Я пойду, – повторил он соседям, однако Роза удержала его:

– Костя, может быть тебе все равно, а мне неприятности ни к чему, у меня их и так довольно. Милиционер велел – с рук на руки твоей матери. Раз он приказал, значит – все. Ты меня пойми правильно.

– Никуда я не денусь. Честно. Что мне, тут сидеть, вам мешать? Я на лавке во дворе буду. Пускай Осип со мною тоже, чтобы вам поспокойнее. Мамка только – после семи. Вот – мой вещь-мешок, здесь оставлю.

– Вы не бойтесь, он не обманет! – вступилась Нина за Костю. – Он у нас знаменосец в школе! Осип, пойдем?! И я с ними буду тоже!

Не дождавшись новых возражений, молодежь двинулась к выходу – первым Костя, за ним Осип и последнею вышла Нина. Роза молча посмотрела ей в след, скользнув взглядом по ее платьишку, скромненькому из ситца.

Двор не произвел на Осипа впечатления. Вдоль забора громоздились поленницы, туалет, перекошенная от старости баня, посреди двора пестрела лужайка и торчали столбы с веревками для белья. За забором горбилась крыша Водной.

Они сели у стены на скамейку, разговор никто не спешил начать. С берега несся шум, не такой как до войны, непривычный – ребягня то начинали кричать, купаясь, то, опомнившись, замолкали.

Нужно было о чем-нибудь говорить. Нина начала первой:

– Костя, а Семашиха, бают, мужа своего простила. Побежала по перрону за поездом, заорала и давай голосить: «Толя! Толя! Толя!» – навзрыд. Все то бабы там как чумные, а она, говорят, пуще всех!..

Эта тема занимала в поселке многих, особенно девушки расходились во мнениях, правильно ли Семашиха сделала? Всем известно было, что Толя Семашин, молодой непутевый парень, весной резался с мужиками в картеж и, проигравшись, по пьяни, поставил на кон свою жену. Он, конечно, сразу продул. Да хоть если б даже и выиграл – все равно все поселковые женщины и большинство мужиков осудили его поступок, а Семашихе немедленно рассказали, как с ней поступил ее муж. Она тут же собрала вещи и ушла жить к своим родителям. На нее,

понятно, никто и не покушался. Мужа ее на заводе исключили из комсомола. Вечерами он топтался у ее палисадника, чтобы повстречаться с ней и покаяться.

Костя выслушал ее равнодушно, а потом отвернулся, сохраняя молчание. Нина была не против с ним посидеть и молча, как они сидели недавно вечером в лодке на берегу, держались за руки и смотрели на золотую дорожку, протянувшуюся к луне. Но зачем сегодня он отворачивается, будто она сгородила глупость? Да и за руки им не взяться – уселся между ними приезжий.

Осип не вступал в разговор, он не знал, о ком идет речь, и не к нему обращались. Он вообще еще не освоился, то и дело ему казалось, что скамейка под ним качается, словно в поезде, и не верилось, что действительно за забором уральские сопки, а не русская равнина со стадами бесчисленных овец и коров, угоняемых в тыл от немцев.

– Слушай, почему у тебя ноги такие, кренделем? – неожиданно спросил его Костя.

Осип изумился, но сдержался, не подал виду.

– Я косолапый с детства, – ответил он.

– Костя! Что ты?! – в возмущении воскликнула Нина.

– В мячик-то хоть можешь играть? – спросил Костя, уже подавив в себе мгновенное раздражение.

– Да, могу.

– Можешь? Ну, тогда ладно.

– Если тебя в милиции отругали, то не надо на других зло срывать! – продолжала отчитывать Нина, оскорбившись несправедливостью. – Человек измучен, с дороги. А ты ведешь себя как!... – она хотела сказать: «говно», но постыдилась гостя.

– Пойдем, я покажу тебе берег, – позвала она Осипа, и тот согласился сразу, не раздумывая, оставаться ли с Костей, видимо, все же обиделся.

Они ушли, забыв, что обещали его стеречь. Косолапость у Осипа была сильной, но совсем не уродливой.

– И зачем я посмеялся над ним? – задал вопрос себе Костя.

Он сидел, удивлялся своей нынешней неловкости от общения с Ниной. У него в кармане спрятана ее фотокарточка. Уезжая из дома, он думал, что на фронте будет мысленно беседовать с Ниной, глядя на этот снимок. И вот нежданно-негаданно, он опять оказался здесь, и опять она, Нина, рядом, а ему уже кажется проще говорить с ее фотографией, а не с нею, реальной. От чего это? он не может понять.

Много вопросов накопилось в нем, он это чувствовал. А вопросы – они все разные. Есть простые, на которые ждешь ответ. Есть такие – что ответа не будет, у кого ни спроси. Есть вопросы, которые сам ни за что никому задать не отважишься. А еще есть, что вопросом даже не назовешь – что-то теснит в груди, беспокоит, а отчего? почему? что? – сам не можешь понять, а тем более слова подыскать.

Костя запомнил с детства, как задал вопрос своей матери:

– Мам, а откуда берутся дети?

В первый раз она не ответила. Но через несколько дней, он ее спросил снова. Они вдвоем тащили с пруда решетку с выстиранным бельем. Мать оглянулась пугливо – убедилась, что ее не услышат, потом наклонилась и произнесла жарким сердитым шепотом в самое ухо ему:

– Если еще раз спросишь – получишь! Понял?!

Теперь, конечно, ответ на этот вопрос ему от матери уж не нужен, но появились другие, если задать их кому-нибудь, можно и получить.

Вот, например, война. Ну почему Германия, которая так ослаблена, ведь целый год теряла тысячи убитых солдат – в Бельгии, и в Польше, в Греции, в Югославии – вместо отдыха вдруг напала и теснит могучую Красную Армию? Но попробуй-ка заикнуться!

И почему в сводках Информбюро, которые все так ждут, сказали про Смоленск: «Несколько дней назад наши войска после тяжелых кровопролитных боев оставили город Смоленск»... Это значит, Информбюро обманывало советский народ эти несколько дней, когда Смоленск уже сдан, а народу об этом не говорили?

Отчего Осип, такой здоровенный лось, приперся сюда, вместо того, чтобы остаться под Минском и биться с гадами?

Зачем им отдали служебную комнату, в которую до войны селились командированные на завод инженеры, если мать у Осипа нигде не работает?

Почему никто не желает вникнуть, когда им доказываешь, что он должен сражаться за Родину? Что он готовый солдат, только чуть-чуть моложе. Ведь на военных сборах он пробегал десять километров за час и за пять минут. Он проплывал в одежде, как и положено, двести метров, он делал три попаданья в мишень из трех выстрелов, правда, из учебной мелкашки ТОЗ. Но зато он отлично знает устройство боевой винтовки калибра 7,62.

Костя закрыл глаза и, шевеля губами, перечислил в уме характеристики винтовки образца 1891—30г: «Наилучшие результаты достигаются при дальности стрельбы в 400 метров, а огонь группы действителен до 800 метров, вес винтовки – пять с половиной килограмм, вес снаряженной обоймы – 122 грамма, длина винтовки со штыком – 166 см, без штыка – 123 и три десятых см».

Потом Костя открыл глаза и подумал:

– Почему я не догадался с собой воду взять? Было бы что пить – ни за что меня бы в Тагиле не выловили. Пару стеклянных банок. А еще лучше – наполнить водой резиновую мотоциклетную камеру. И тогда в вагоне можно так схорониться, чтоб не вылазить долго, до самого фронта.

Во двор вышли погулять две маленькие сестры. Они согнали с лужайки куриц и рассидили там кукол. Костя невольно им позавидовал, что для них в этом возрасте, все так спокойно, просто...

3

Костер начинал слабеть, пламя искало веток и не могло их нашарить. Витька не шевелился, чтоб не вспугнуть кукушку, объявившуюся в лесу. Он опоздал спросить у нее, сколько лет ему осталось прожить, она прокуковала несколько раз, пока он сообразил. Тогда он схитрил, не стал ее спрашивать, чтобы мало не получилось – пусть кукует кому другому. А потом пожалел – она куковала долго, хватило бы и ему.

Витька сунул травинку в пламя, наблюдал, как она вспыхнула, скрючилась, побелела и рассыпалась в прах. И тогда он внезапно понял: чтобы струсить по-настоящему, надо прыгнуть в пруд с самой вышки, утонуть туда, где обрыв. Вот уж точно от страха там, в глубине, он и научится плавать...

4

Участковый инспектор Новиков действительно зачастил, чуть не каждый день он являлся, чтобы проверить Костю, а потом заходил к соседям, узнавать, не надо ль помочь? Роза оказалась запасливой, у нее имелся графинчик, всегда почему-то полный, с тонким горлышком и с изящною стеклянною пробкой. Графинчик этот доставали из шкафика, под веселые шутки инспектора, Роза тоже была веселой.

– Первую здравницу – за товарища Сталина! – чокаясь с Розой рюмками, произносил участковый.

Едва лишь Новиков хлопал входною дверью, Осип угрюмел и менялся в лице, а потом уходил из дома. Отношения с Костей у Осипа не заладились, они общались совсем помалу. Косте было все равно, а Осипу казалось зазорным, что от него сторонятся. Спустя неделю дело дошло до ссоры, хоть причина была ничтожной. Осип принес шахматы в деревянной доске и предложил Косте сыграть.

– Что за игра такая? – спросил неохотно Костя.

– Я научу, научу, – успокоил Осип, скучающий без друзей. – Это сражение как бы, войско идет на войско. Тут есть офицеры, туры, ну а самый главный – король.

– Ну и что? Зачем?

– Состязание, борьба интеллектов!

– Не хочу я, – раздраженно ответил Костя. – Люди на войне гибнут, а ты – фишками рубаться?! Интеллигент!

– Я интеллигент?!

– Ты!

Осип рассердился на несправедливое обвинение и разгласил то, что давно решил:

– Сам ты бесишься, потому что Нина предпочла меня, а тебя забыла!

– Да дурак ты! – крикнул Костя в сердцах.

– Я дурак? Если б ты не струсил в шахматы играть – я бы тебе быстро доказал, кто тут умный, а кто дурак!

– Струсил – ты, когда дал деру от немцев!..

– Я не струсил.

– Ты трус!..

– Я не трус!

– Значит, докажи – едем со мной на фронт?! Или тебе слабо?!.

Вместо того чтобы подраться, они через несколько дней сбежали на фронт вдвоем, все так же недолюбливая друг друга...

5

Бобыль сходил к деревьям и принес веток, начал о колена их переламывать. Огонь разгорелся снова.

– Я не говорил тебе, у меня есть дома игрушка? – весело спросил он.

– Какая? – произнес Витька.

– А шахматы. Там лошади как живые. Правда, лишь одна голова. Если интересно, сыграем, когда приедем.

– Как это одна голова?

– Просто – да и все, на подставке...

6

Треугольные письма приходили с войны нечасто. Костя и Осип служили вместе, в стрелковой роте, слали письма, каждый – для своей матери. Передавали приветы в конце письма: Осип – только Нине, а у Кости список был длинный, и конечно Нина была в нем тоже.

Но с весны по июль сорок второго года письмоноска пропускала дом. В июле стало известно, что Осип ранен, а в сентябре прибыл он на побывку, косолапый, высокий, бледный. В тот же вечер в комнатушку к Розе проскользнула Костина мать, села на табуретку, волновалась, не решалась долго спросить о сыне. Потом узнала от Осипа: летом, на Дону, фашисты пошли в прорыв – и окруженные, разбитые начали отход наши части. Вот тогда и зацепила Осипа пуля, и повезли его, в грузовике медсанбата, умучивая тряской на кочках, а куда подевался Костя, Осип не мог сказать.

Через тридцать суток, Осипу приказали отправляться на фронт. Повестку доставил участковый инспектор Новиков, вручил и вздохнул, потом подмигнул на тумбочку, где всегда (он знал) есть графинчик.

– Ну, товарищ боец, первую здравицу мы за Сталина! – произнес он, чокнувшись рюмками с Розой и Осипом, и немедленно разлил по второй.

– За победу! Чтоб тебе вернуться с войны героем. Чтобы на груди орденов засверкало как у маршала Ворошилова. Знаешь сколько у него? Четыре ордена Красного Знамени, да еще два ордена Ленина, да республиканские ордена, это не считая медалей!

Роза внезапно вскрикнула:

– Ты! Зарылся тут! Возле юбок! Змей! – и ударила инспектора кулаком в гимнастерку, где должны бы быть ордена, но где их, конечно, не было, а потом еще ударила, выше – по петлицам, по квадратам сержантского звания.

Новиков заслонила рукой, чтоб кулак не попал в лицо, чтобы не было синяка, который ему не скрыть. Он отскочил к двери, сдернул с гвоздя шинель и, не одевая, вышел из комнаты вон.

Чуть позднее, допив графинчик, Осип пошел попрощаться с Ниной. Она красила в сенках пол.

– Нина, я хочу, чтобы ты узнала. Нина, милая, я люблю!.. – заговорил он, вступая со двора в сени.

– Осип, ты что? Ты пьян? – спросила Нина, не зная, куда кинуть кисть.

– Я не пьян, Нина, а я люблю! – говорил, подступая, Осип. И, приблизившись вплотную, прошептал, что он утром едет на фронт.

– Иосиф, милый! – сказала Нина, ладонью тронув его небритую щеку.

Он зарыдал, точно только того и ждал.

– Я боюсь! Меня там убьют!.. – у него покатались слезы.

– Осип, что ты?! Хороший! Тише!..

Осип согнулся к Нине, обхватил руками ее, плакал и целовал ее в шею, в губы, в лоб, в щеки.

– Осип, Осип, не надо, Осип!

Он навалился, она качнулась и кистью задела стену – отпечался на досках мокрый мазок, книзу потекли капли...

7

Витьке захотелось поскорее ехать домой, чтобы посмотреть лошадей. Он про вышку уже не думал. Они с дедом погасили костер, залили из пруда водой, сели в лодку и направились к кольям. Дед полегоньку греб, чмокая веслами воду.

– Дед, скажи, а в этом месте есть эхо?

– Я не знаю, а ты попробуй, – улыбаясь, сказал Бобыль.

– Э!..– сказал Витька, послушал, и крикнул громче, – Э-э!.. Э-э!.. Э-э!..

– Нету, – сказал Бобыль, – Нету здесь никакого эха.

Солнце распалилось в полную мощь, освещало волны мириадами скачущих искр, заставляло жмуриться и улыбаться...

8

Невысокий мужчина в фуфайке, с котомкою на спине, брел по тротуару вдоль пруда, он остановился у рыбака. Этот в черных очках рыбак, был слепой и рыбачил с берега, пальцами держась за леску, чтоб распознать поклевку. Мужчина пристально смотрел на него.

– Новиков! Это ты?!

Новиков оглянулся на звук.

– Ну, предположим, я! А ты тогда, кто такой?

– Соколов я, Константин.

– Из барака? – вспомнил бывший участковый инспектор.

– Что с тобой?

– А? Глаза-то? Это давно, в войну. В танке я горел, там, на фронте. Добровольцем. Я сам пошел. Ты-то что? Давно про тебя не слышно.

– Вот, освободился, иду. В плен попал я по контузии, в сорок втором. А потом за плен осудили, срок под Магаданом мотал.

Они больше ничего не сказали, Костя повернулся, пошел. Отошел уже далеко, когда Новиков крикнул ему в след, в темноту:

– Эй! Ты слышишь меня?!

– Что?! – отозвался Костя.

– А ведь у нее ребенок! Мальчишку родила без отца!

Костя постоял, размышляя, а затем опять побрел к дому.

Из темноты к Новикову звуков больше не донеслось от него...

90-60-90

1

Утро началось необычно. Его задержали утром на проходной. Антон приложил к датчику свой электронный пропуск, но вертушка осталась запертой.

За стеклом дежурки встрепенулся охранник, высунул подбородок в окно, по начальничи громко окликнул: «Кочетов? Подойдите сюда!»

Антон приблизился, и охранник, смягчив тон, сказал в полголоса: «Велели тебе передать, чтобы ты немедленно шел к бате. Туда, вверх. Понял?»

Антон кивнул головой, тогда охранник надавил кнопку на пульте – вертушка разблокировалась, зажглась зеленая лампа.

Батей сотрудники называли в разговорах между собой президента банка, Илью Михайловича Зеленицкого. Антон был его личным водителем.

Поднявшись в скоростном лифте на пятнадцатый этаж, Антон попал в безлюдный, светлый, идеальной чистоты коридор и пошел, неслышно в мягких туфлях ступая по блестящим плиткам пола. Приемную Зеленицкого заграждала массивная дверь из двух одинаковых створок. Антон потянул одну из них за бронзовую рукоять и перешагнул плоскую металлическую планку на полу, означающую порог. Здесь он остановился.

В приемной сидели – секретарша Маша, за письменным столом у окна, и направо, у стены, в кресле, вальяжно развалился руководитель службы безопасности Кирилл Васильевич Рудаков, мужчина атлетической комплекции. Руководитель листал журнал и лишь мельком, искоса взглянул на Антона. Маша вовсе не посмотрела, она печатала на компьютере.

– Мне велели к Илье Михалычу, – отнесся Кочетов к секретарше. Она перевела глаза с компьютера на него, тогда он улыбнулся и выдохнул слово. – Здравсьте!

Секретарша не посчитала нужным улыбнуться ему в ответ.

– Подождите, я узнаю. Присядьте, – сухо вымолвила она и поджала аккуратно покрашенные полноватые губы.

– Я постою.

Маша была красива – южной, яркой, ослепительной красотой. Стройная и высокая, в красном, слишком тугом ей платье, она встала из-за стола, пошла, поцокивая шпильками, в кабинет президента. Антон проводил ее взглядом. Маша вернулась спустя несколько секунд.

– Пожалуйста, проходите, – передала она разрешение. Темно-карие, покрытые влагой, глаза ее оставались все так же строгими.

Антон давно заметил и сейчас, едва отвернулся от Маши, осознал опять, что лицо ее обладает особенностью – его невозможно вспомнить. В воображении вместо целого лица вспыхивают детали – длинные серьги, рот, гладкие темные волосы и, конечно, глаза – карие, почти черные, с искрой внутри глаза.

– Можно, Илья Михайлович? – спросил он у президента, вступив в его кабинет.

– А? Да. Входи, – тотчас отозвался Зеленицкий. Он переключивал бумаги на рабочем столе, но быстро покончил с этим.

– Садись на диван. Сюда, – встал и подвел он Антона к зоне переговоров в углу просторного кабинета. Тут на зеркальном столике перед диваном высилась в вазе целая охапка длинных, свежесрезанных роз. Цветы эти – всем сотрудникам было известно, – доставлялись президенту каждый понедельник и четверг из тепличного хозяйства за городом.

Сидеть на низком диване под навесом пахучих роз было в диковинку для Антона.

– Я вот почему позвал, – начал объяснять Зеленицкий, тоже сев на диван. – Ты у нас сколько работаешь? Года полтора? Два?

– Год и четыре месяца, – отозвался Антон, любивший щегольнуть точностью.

– Быстро время летит, – произнес президент и вдруг опечалился...

Илья Михайлович Зеленицкий, человек, в сущности, еще молодой, всего каких-нибудь лет тридцати восьми, носил в банке прозвище «батя» как бы авансом, в наследство от предыдущего президента. Он был среднего роста, упитанный, в дорогом костюме, импозантный брюнет, на хорошей должности – казалось, у него нет ни малейшей причины печалиться о потерянном времени.

– Я надеюсь, тебе нравится коллектив? Ты освоился? – поинтересовался Зеленицкий, придавая голосу задушевность.

Антон ответил, что все нормально. Хотя беседа удивила его, он старался не подавать виду.

– Хорошо, – произнес президент в задумчивости и, помолчав, прибавил. – Знаешь ведь, наш банк – один из старейших в области, очень известный банк. У нас тысячный персонал. Почти у каждого есть дети, семья... Ты ведь не женат, Антон?

– Нет.

– А невеста?

– Тоже не наблюдается, – хмыкнув, ответил водитель.

Зеленицкий замолчал и надолго. Антон от нечего делать принялся рассматривать свои руки – худые, мосластые они торчали из коротких рукавов клетчатой летней рубашки.

– Дело вот в чем, Антон, – продолжил, наконец, президент, очевидно приступая к главной части беседы. Но он сразу же осекся, чтобы предупредить. – Только это строго между нами. Ты готов держать разговор в секрете? Можешь слово дать?

– Да, конечно, – с готовностью ответил шофер.

– Значит, никому?

– Никому.

– Видишь ли, Антон... – с тяжелым вздохом продолжал президент. – Случилось ужасное... До сих пор не могу понять, как это произошло... Во всяком случае, я не снимаю с себя вины... Сегодня ночью, находясь за рулем служебной машины, я сбил человека.

– Как?!

– На улице... Он внезапно, под колеса... И... было поздно.

– Насмерть, что ли?

– Не знаю... Молюсь, что нет...

– «Мерсом»... сшибли?

– Да, на моем, на «мерсе»... Я надеюсь... Ты дал мне слово, – напомнил Зеленицкий с опаской в голосе.

– Я не выдам, Илья Михайлович... А что сказала полиция?..

Президент нервно вскочил с дивана, сделал несколько шагов по кабинету, вернулся к дивану, руки с растопыренными пальцами энергично раскинул в стороны так, что чуть не сшиб розы на столике, и воскликнул громким шепотом:

– Я не вызвал!

– Почему?!

– Уехал!.. У меня помутился разум!.. Необъяснимо!.. Мне самому загадка. Может быть, это шок? Да, наверное, это шок...

Антон смотрел, как качаются, тронутые рукой президента белые и алые розы и пытался сообразить, как теперь быть?

– Я уехал! – хлопнув ладонью себя по виску, продолжал Зеленицкий.– Потом опомнился, хотел позвонить в полицию... И тут мысль: а как же банк? Как? Ну, скажи, как?

– Как? – машинально за ним повторил Антон.

– В этом-то все и дело! – воскликнул Зеленицкий и снова сел на диван.– Газетчики вой подымут. Президент банка – и вдруг такое! Народ за вкладами ломанется. Старушки – им лишь скажи... И банкротство... И все несчастны... Все вокруг... Все...

Из-под потолка президентского кабинета кондиционер с равнодушным урчанием гнал поток прохладного воздуха, Антону, в тонкой рубашке, сделалось зябко...

2

Через четверть часа, чувствуя, что насквозь пропах розами, Антон вышел из кабинета, и, не обращая внимания на красавицу Машу, напрямик направился в коридор. Не предполагал он, что уральские розы так назойливо пахнут.

Маша ни на миг не отвлеклась от работы. Рудаков, с кресла, внимательно взглянул на Антона поверх страницы журнала.

На первом этаже Антон сразу устремился из банка наружу, на солнышек, встал на гранитном крыльце, закурил сигарету. Несколько раз затянулся, что было духу. Нужно было принять решение, но какое – еще он не знал. Приподняв плечо к носу, он понюхал свою рубашку – розовый запах, слава богу, пропал...

На другой стороне дороги, у железных ворот новостроя – желтой церкви с золочеными куполами, как всегда на деревянных ящиках и на стульчиках сидели нищие перед своими консервными банками.

«Может, милостыню подать? – спросил Кочетов сам себя. – Или поставить свечку?»
Но перебежать дорогу между машинами, суетиться ему сейчас не хотелось.
«Впрочем, глупости, суеверие», – согласился он сам с собой.

Парадная дверь за спиной у Антона то и дело отворялась, взад-вперед пропускала народ: банк, действительно, нужен многим – с этим уж не поспоришь.

«Хорошо бы сейчас в гараж. Но хотя – зачем? „Мерса“ нет там, ведь он в ремонте».
Так ему сказал Зеленицкий и еще попросил нынче день побыть дома, не отлучаться.

Антон бросил окурок в урну, сошел с крыльца, побрел по тротуару в сторону, где был дом. Пешеходы обгоняли его, лезли по встречной в лоб. Черт бы их всех побрал!

У светофора, на переходе, как всегда в этом месте, он посмотрел направо. Если ехать туда, направо, по проспекту, которому отсюда конца не видно, – город кончится, поплывут поля на склонах пузатых холмов, окаймленные лесополосами. Дальше по дороге – тайга: ели, сосны, осины, березы. Через десять часов пути, через тысячу сто четырнадцать километров, будет Омская область, степь... Речушка на дне оврага и деревня Мостки – там и есть его настоящий дом.

Кочетов написал в анкете банка при поступлении, что приехал на Урал заработать, но на самом деле, он приехал, чтобы не спиться. Зрелые мужики и ровесники, да и многие бабы и школьники пили в деревне Мостки. Антон после армии собирался осесть в деревне, но, понаблюдав, как опускаются, тускнеют его друзья, и сам, напившись несколько раз до бесчувствия, испугался, понял – надо бежать отсюда. Мать не отговаривала его. В городе он снял однокомнатную квартиру.

Войдя в квартиру, Антон запер замок на фиксатор – чего никогда не делал, – и усмехнулся: все равно не поможет. Проблему как-то нужно было решать.

Он переоделся в домашнее, сел на подоконник – глядеть во двор, просто ждать – и уж будь что будет.

Очень скоро ему позвонили в дверь. Кочетов даже вздрогнул. Позвонили опять, продолжительней и настырней. Антон бесшумно приблизился, припал к глазку.

– Кто там?

– Я, Кирилл Васильевич Рудаков. Отворите, Антон, будьте так добры.

– Что вам нужно?

– Вы меня не узнали? Я с работы. Ведь вам же видно?

– Говорите, я вас узнал.

– Не через дверь же мне, в самом деле, – с укоризной возразил Рудаков.

Антон подумал свое: «Будь что будет!», – поднял руку и отшелкнул фиксатор, хотел крутануть замок, помедлил... и не открыл.

– Я здесь с женщиной, не могу вас сюда впустить, – солгал он. – Говорите, что вам надо, мне слышно.

– Я пришел узнать. Вы согласны?

– Нет, не согласен!

– Но, Антон, откройте! Поговорим...

Они препирались еще с минуту. Наконец Рудаков ругнулся, ткнул кулаком кирпичную стену и направился к лестнице. Кочетов, смотрел, как при каждом шаге по ступеням опускается в глазке двери его голова со складками на затылке как у бульдога.

Когда он скрылся, Антон вернулся на подоконник. В ветках тополя чирикали воробьи, потом внизу завелся мотор машины. И удалился. Опять все стихло. Только воробьи – мирно, хорошо, словно у них в деревне.

«Сколько там стоит дом? – начала опутывать Антона опасная мысль. – Четыреста тысяч? А может, и все пятьсот? Много надо вложить труда, чтобы его построить... За два миллиона можно четыре дома купить таких же, как у матери. В палисаднике чтоб сирень – липа перед домом – люблю я липы... И поляна до дороги, обязательно... и трава...»

Через час опять позвонили в дверь. Антон посмотрел. За дверью стояла Маша.

Антон, придав голосу мужественность, спросил у нее:

– Кто?

– Мария, секретарь-референт. Можно я войду к вам, Антон?

– Вы одна?

И когда она ответила, что одна, Антон, помедлил – и отпер дверь. Он готов был, что из-за спины ее выскочит Рудаков, злобный, перехитривший, но она, и правда, была одна. Он посторонился, пропуская ее в квартиру. Маша осторожно, словно по шаткой доске ступая по полу дорогими туфельками на шпильках, прошла в комнату, огляделась.

– Извините, – заговорила она. – По телефону невозможно. Это не такой разговор. А Кирилл Васильевич вернулся, доложил... но ведь дело срочное, невозможно откладывать...

– Да, у меня тут гости, – начал было объяснять Антон, но ему самому стало ясно – Маша по беспорядку в квартире должна понять, что он врет, он смутился и не продолжил.

– Впрочем, пускай думает, что угодно. Я не обязан оправдываться, – решил он. – Пожалуйста, присаживайтесь сюда, – придвинул он единственный в комнате стул, сдергивая с его спинки свою рубашку и джинсы.

Маша послушно подошла к стулу и села. Красная, блестящая ткань ее платья показалась Антону гораздо тоньше, чем выглядела в банке.

Некоторое время они молчали.

Эта красавица, эта хозяйка шикарной приемной банка, так не сопоставима была с его ободранной комнатой, не верилось, что она здесь.

– Антон, я в курсе того, что случилось ночью... – начала говорить она. Черные брови ее от старания сдвинулись к переносице.– Я знаю, что предложил вам Илья Михайлович... Антон, это большая сумма. Хотя дело тут, как вы понимаете, не в деньгах. В ваших руках судьба многих, и очень многих... Мне поручили у вас спросить, вы готовы принять предложение?

Антон поперхнулся и закашлялся:

– Не могу...

– Антон!..

– Что Антон, Антон?..– Кочетов заходил по комнате, восклицая, – Ну что, Антон? Почему я должен на зоне гнить? Мать в деревне из магазина потащит сумки, бабы цыкать примутся за спиной: а сынок-то у нее уголовник! Что ей? И лица не поднять? Да начнут ехидничать, окликать: «Валентина Ивановна, чай, пробился сынок в люди в городе»?

– Ваша мама... Ее не бросят... Батя ей поможет...

– Поможет!..

– Он у нас такой человек...

– Почему он за рулем был? Зачем? Ведь есть же я, – говорил Антон уже про другое, а ее не слушал.– Неужели бы я отказался? Это моя работа!

– Но вы понимаете... Есть моменты... Должен был он сам...

– На служебном «мерсе»? У него своя!

– На своей машине ему нельзя. Там... Ну, словом... Там роман...

– Роман?

– Там любовь...

– А я поплатиться должен!..

– Ну не нервничайте, Антон!..– воскликнула Маша и вдруг посмотрела прямо ему в глаза. Промелькнуло что-то между их взглядами, какая-то мысль и Антон на мгновение замер, потому что не мог поверить. Маша была особенно сейчас манящей, красивой... Они замолчали.

Наконец Антон отвел свой взгляд на окно и произнес:

– Нет, я не могу...

Маша громко вздохнула. Антону показалось, что с облегчением.

– Я тогда пойду? – вымолвила она.

Антон на нее не глядя, пожал плечами. Застучали каблуки по полу, она ушла.

Он быстро пошел за ней следом и запер дверь на замок.

– Сейчас самое лучшее для них, чтобы я умер, – подумал он.– А еще лучше, если перед смертью оставлю записку: «Виноват! Задавил человека! Каюсь!»

– Господи, что за дурь в голове?! – удивился он сам себе.

Ближе к вечеру в кармане у него зазвенел телефон.

– Я вас слушаю!

– Что, лоханулся? – пробасил в трубке Русаков и раздался его смешок.

– Я вас не понял...

– Что тут не понять? К нему – баба! И какая баба! А он – лох! А теперь уж – всё! Тю-тю! Надобность пропала! Отыскал я этого алкаша – жив, собака! Пьяницам всегда везет! А дуракам сегодня – догоняешь? – везет не очень!..

Русаков нажал отбой. Антон долго читал надпись на пульте «вызов завершен»...

– Как же быть теперь? – думал он.

Во дворе парковались автомобили, возвращался домой народ. Кочетов продолжал сидеть в комнате, как Илья Михайлович и велел.

– Ну а завтра что? – думал он.

Он все думал и косился на телефон – тот молчал. И тогда он позвонил сам. Номер на экстренный случай в памяти был забит.

– Алло! Я слушаю! – бодро ответил в трубке Илья Михайлович. – А, это ты, Антон... – узнав его, батя понизил голос. – Ты уже знаешь, что все нормально? Прямо гора с плеч...

– Илья Михайлович, я целый день, как вы сказали – дома...

В трубке стало слышно, как размешивают ложечкой сахар в стакане. Батя думал и молчал.

– Вот что, Антон... Видишь ли, вот в чем дело... После того, что нынче произошло... Я не нашел в тебе отклик... Мне бы не хотелось дальше с тобой работать... Завтра утром приходи в кадры и получи расчет. Ну, и премию, это само собой...

Антон охватила обида. Он не мог сообразить, что ответить. Почему-то стало жалко потерянный день, который, словно арестант, провел в четырех стенах, и еще вдруг вспыхнул, вспомнился образ Маши, ее глаза. С ними что-то было не так. Черные глаза, но без искры... И за Машу тоже обидно стало...

– Ладно, Илья Михайлович. Я вас понял. Только вот что!..

– Что?

– Вы запомните: скорость в городе – шестьдесят. Девяносто – только за городом, а тут – люди. Девяносто – шестьдесят – и потом, пожалуйста, опять девяносто!..

– Что ты говоришь? – Илья Михайлович перебил. – Это какой-то бред!.. Всё, счастливо, Антон! У меня дела! – президент отключил с ним связь.

– Люди тут! – повторил Антон, хоть и знал, что его не слышат.

Дикарь, трескун, романтик

1

В конце июня, в субботу утром собрали черешню, а после обеда решили копать картошку. Принялись с грядки между кустами винограда в дальнем углу участка. Вера выворачивала старой поржавевшей лопатой комья земли и дожидалась, пока ее мать, пожилая, полная женщина, медленно сгибаясь в пояснице, разворошит их руками и откинет картофилины, пока ее отец, наклоняясь с деревянной передвижной скамеечки, на которой он сидел, пошарит руками в лунках и убедится, что там пусто. Дочка Даша, пятилетняя девочка, сперва хотела им помогать, потом убежала и заигралась под деревом.

Когда залаял Матрос, Вера не обратила внимания, но послышались шаги, она посмотрела и увидела – это Дмитрий, стороня голову от ветвей, весь заляпанный пятнами солнца, идет к ним.

– Добрый день, – поздоровался он, подойдя.

Вера с родителями продолжали копать картошку – словно его не слышали.

– Вера, можно поговорить? – попросил Дмитрий.

Вера, воткнув лопату в сухую белесую землю, выворотила комок земли с засохшими в нем стеблями картошки, родители, согнув спины, стали в нем рыться руками. Верин отец, ошупывая ладонями лунку, вдруг ворчливо произнес:

– Ну, иди, поговори с ним – чего он приехал?

– Нелегкая его принесла, – буркнула Вера, однако, помедлив, воткнула лопату в борозду и, скомандовав Дмитрию, – Пошли! – увела его по тропинке мимо шпалеров винограда к маленькой хибарке у забора, подальше от дерева, под которым играла Даша, их дочь.

Они разговаривали там минут десять. Ничего не слышно было, что они говорят, и их самих не видно было, только маячил за листьями Верин цветной халат.

– Давай, будем продолжать, что ли? – сказала Верина мать, отерев от земли руки тряпицей и засунув ее в карман. Она взялась за лопату.

– Давай, – согласился Верин отец, он передвинул по грядке свою скамеечку, уселся на нее и промолвил. – Цикады разбазлались проклятые: оглохнуть можно – трещат.

– Цикады помешали ему... Теперь уж подслушивай, не подслушивай, – со вздохом сказала его жена, наступая старым кожаным тапком на лопату. – Внучка не увидела его как-то, – добавила она, выкопнув ком с сухой ботвой.

– Не увидела. Это лучше.

– Что за картошка здесь – горох один, не картошка!

– Да уж, не такая, как у вас там, на родине, – согласился с ней муж.

– У нас такую – только свиньям, в Перми. Если не растет здесь, на юге – так чего нам мучаться с ней?

– Раз не желаешь, барыня, картошку садить – иди вон там, в море плескайся!

– В море, ага!

– Ага, в море!

Верины родители, которым захотелось на кого-нибудь поворчать, начали ворчать друг на друга.

Возвращаясь к ним по тропинке, Вера за несколько метров разобрала, как вполголоса, не глядя друг на друга, перекоряются старики.

– Мама, иди-ка, на пару слов, – остановившись, обратилась она.

– Чего тебе? – спросила старуха.

– Ну, иди, мама, надо.

– Опять у нее секреты, – съехидил отец. Он ссыпал с ладони в ведро четыре розовых мелких картошки и, сидя на скамеечке, посмотрел снизу вверх на свою высокую дочь. – Ха! Зашептались. Больно кому-то нужно – слушать еще вас, дур! – выкрикнул он, когда дочь с матерью, в сторонке от него, начали совещаться. Старик поискал взглядом Дмитрия, своего бывшего зятя – и не увидел его. Тот или уехал, или так и остался возле летней хибарки.

Старуха сначала молча слушала дочь, потом всплеснула руками и сматерилась. Дочь ей доказывала свое, старуха заспорила, замотала головой – дочь психанула, рывкнула на мать: «Это не твое дело!»

– Ах, не мое! Ну, ладно! Тогда отлыньте от меня! Нечего мне нервы мотать! – срывающимся голосом заявила старуха и зашагала, топая тапками по сухой земле, от дочери обратно на грядку, к лопате. Схватила ее, копнула, налегая что есть силы, в уже раскопанную лунку. Лопата звякнула о камень.

– Это что там? – настороженно спросил дед, приподымаясь со скамейки. – Там – какие камни? Скала? Раскопай еще!

– Отвяжись ты с этой скалой!

Старуха отшвырнула лопату и ушла в дом.

– Верка! Чего ты выводишь мать?!.. – начал было дед.

– Отстань ты! – отмахнулась от него дочь и пошла за матерью к дому.

Дед через полчаса тоже приковылял с огорода, поставил лопату в сарай, взойдя на крыльцо, усмотрел на дороге за калиткой ветхого «жигуленка», возле машины слонялся Дмитрий, чего-то ждал, попинывал кроссовкой колеса.

В доме Вера с матерью, обе – с красными после слез глазами, собирали в сумку детские вещи.

– Зачем вы это? – пробормотал дед.

– Отпускаю Дашу на неделю в гости к отцу, – ответила Вера, а мать ее сказала:

– Сдурела! – и зашмыгала своим бугристым носом. – Ты хоть ей скажи. . .

– А что я?.. У них своя жизнь.

Перед холодильником в раздумье стояла Даша, примеривала, куда приклепнуть наклейку от жвачки.

– Деда, тут – гусята, а тут будут жуки, хорошо?

– Клей – хоть куда. Хочешь поехать с папой к тем деду с бабой?

– Мама говорит, у них есть теленок. И еще – коровка, и кот, – произнесла внучка тоном – что, конечно: хочу – и приклеила криво бумажку на холодильник.

– А у нас опять скала растет в огороде, – поделился дед заботой с внучкой.

– Где? Покажи!

Они пошли в огород. Даша тонкими гибкими пальчиками обхватила его мизинец, Дашины ножки в сандалиях и в носочках, с припухлостью у колен, мелькали из-под платья так быстро. Но нельзя было, как хотел дед, одним духом дойти до скалы: по ветвям яблони над головой прыгала птица – нужно было посмотреть, какая она и понаблюдать, нет ли у ней детишек; мотылек летал над травой, а возле тропинки, в лохматых виноградных корнях обнаружилась игрушка, которую прежде долго искали.

Скала на огороде оказалась не горою, как вообразила Даша, а самым обычным камнем – он выставлялся со дна ямки, вырытой дедом.

– Это скала, деда?

– Скала.

Они помолчали.

– Ты хоть не будешь плакать? – спросил внучку дед.

– Я не буду, – ответила внучка и, правда, не заплакала, когда вскоре уезжала на «жигуленке» с отцом и махала с заднего сиденья ручкой в окно: матери, бабушке, деду, всклокоченному собачонке Матросу, который с прогулки вовремя примчался к семье.

Автомобиль уехал, Вера с матерью ушли в дом, Матрос протрусил вдоль забора из металлических прутьев, постоял на углу, задрал ногу, и скрылся; дед присел на лавку у калитки, чтоб отдохнуть.

За противоположной обочиной начинался широченный винзаводовский виноградник.

Любопытно, какой у них урожай? Хотя, каким ему быть? Само собою, плохой. Здесь, на огороде и то – выродился сорт, ягоды измельчали, а прежде – на загляденье родились гроздья: летчики с аэродрома не зря облюбовали, где себе покупать. Все вообще делается хуже и хуже. Что поделаться тут?!

– Извините, у вас комната не сдаётся? – услышал дед вежливый мужской голос и очнулся от своих мыслей.

Спрашивал с дороги длинный худой мужчина лет тридцати.

– Комната? – отозвался дед. – Вы – из каких краев? Сибиряк?

– Из Сибири.

– Я по акценту. Москвичи – те как-то – на «а», а сибирские – глухо, на «о».

Сибиряк поддернул на плече ремень спортивной сумки, которую нес, и подошел к деду.

– Значит, отдыхающий? Как бы это... «дикарь»? – уточнил дед.

Мужчина кивнул головой и подтвердил окающим баском:

– Только что прилетел. Собирался было – до города, на автобусе, да посоветовали сначала здесь жилье поискать.

– А надолго вы?

– На неделю.

– У хозяйки сейчас узнаем про комнату, – произнес дед, подымаясь на ноги и распахивая калитку, – Милости просим, – пригласил он.

– Мать, иди-ка! К нам гости! Иди сюда, ты ведь у нас – эксперт по жилью!

3

Утром Вера долго не просыпалась. Мать тряхнула ее за плечо и сказала:

– Иди, забери простыни из хибарки, будем стирать.

Вера сразу открыла глаза и спросила:

– Простыни? Какие? Зачем?

– Опять придется вошкаться с ними. Что за люди! Обещал ведь – на неделю, а сам всего-то на одну ночь. Хорошо хоть расплатился, еще бы так удрал – вот был бы номер!

– Уехал?.. Виктор?..

– Ну, да. Я ж тебе говорю. Простыни собери. Вставай, а ну-ка, вставай!

Дверь хибарки была распахнута настежь, кровати – одна с постелью, две другие с голыми сетками, стояли вдоль стен, спортивная сумка исчезла, по коврику на полу бегали муравьи. Записки от Виктора ни на столе, ни на кровати, ни под матрасом, ни в холодильнике – нигде не было.

– Нет, что за жизнь?! – подумала Вера вслух и затем сама ответила себе.– Ерунда!

Она содрала с кровати, смяла в комок белье, отнесла его и швырнула под черешню в железный бак, умылась под летним душем, надела цветной веселенький сарафан...

– Ерунда! – еще несколько раз повторила она себе и потом пробормотала опять.– Нет, что за жизнь?!

Матрос попался ей на пути, посмотрел на нее виноватыми выпуклыми глазами, она ему сказала: «Обманщик!»

Она вышла за калитку и, сама не зная зачем, направилась к морю. На их вчерашнем месте, под ивами, нынче загорали другие люди. Вера побрела вдоль пляжа в сторону города. Вчерашняя торговка с бидоном попала навстречу ей, но прошла мимо нее, кукурузы не предложила. За рекламным щитом на лежаках санатория загорала толпа. Вера подумала: «Виктор, быть может, в этом лежбище», – и она остановилась, начала всматриваться, но потом сказала себе: «Ерунда», – и отправилась дальше.

Дорожка вдоль моря постепенно делалась respectable – потянулся гранитный парапет, широкий городской пляж, затем – морской пассажирский порт и стоянка яхт.

– Девушка, кататься хотите, а? – крикнул ей черномазый мужчина с палубы яхты. Он собирался отчалить от мола.

Вера слегка пожала плечами.

– Тогда идите сюда, давайте руку, прыгайте! Смелее! Так! Молодец!

Подал мужчине руку и прыгнув с мола, Вера очутилась на носу яхты. Яхта плавно покачивалась.

Заработал дизель, яхта задним ходом двинулась от причала, развернулась носом от берега. Парус прошелестел на тросах вверх по мачте, надулся, мотор заглох, яхта накренилась на левый борт и поплыла, ускоряясь. За кормой уменьшался мол, городская набережная, и там, вдалеке – уже были крошечными их ивы.

– Какая ерунда, – подумала Вера.– Какая все ерунда.

Мужчина, разухарившись, крутил штурвал, разглядывал Веру и что-то хохмил. Вера смотрела на сады, на крыши пригорода, где ее дом, где такая непонятная жизнь, но которая казалась по мере движения яхты все мельче и мельче. Хотелось скорее уплыть в открытое море – чтоб оттуда не увидеть позади совсем ничего.

Долго плыли мимо тонкого мыса. Впереди расширилось море – оно заняло весь горизонт. Вот и мыс уже подался назад, оставалась только каменная коса. До камней было метров сто. Мужчина все возбужденней острил, мешал о себе забыть. Вера перешагнула за поручни и вдруг прыгнула в волны.

– Эй! – крикнул ей мужчина, дернулся было к борту, но побоялся бросить штурвал.

Вера вынырнула и поплыла к каменной косе, широко разгребая воду руками и ногами, как плывущая по луже лягушка. Мужчина на яхте все оборачивался, следил, как она выкарабкается из прибоя, и недовольно морщил лицо.

Вера вернулась домой пешком. Платье на ней обсохло, волосы еще были влажны, сланцы она утопила, пришла босой.

На дороге перед домом кособоко стоял «жигуленок». Бабушка с внучкой Дашей во дворе кормили пшеном цыплят.

Вера спросила растревожившись:

– Что случилось?

– Заскучала. Не хочет без этой бабушки-то, не хочет! Разревелась – и давай проситься назад, – ответила Вере мать.

Даша сидела на корточках и все подсыпала пшено – это было интересней, чем приход мамы.

Дмитрий, очень смущенный, отозвал Веру в сторонку – поговорить.

– Вера, мне без вас с Дашей – просто труба. Я без вас – никак. Нет никакого смысла. Для меня вся радость в жизни – только вы с Дашей. Вера, прости меня и возвращайся ко мне, – просил Дмитрий.

Вера побагровела, ответила криком:

– Ничего я не знаю! Оставьте меня в покое! – убежала и заперлась в доме.

Дмитрий не уходил. Дед неподалеку насаживал каелку на деревянную рукоять. Ни с того, ни с сего он принялся говорить, обращаясь не то к Дмитрию, не то к самому себе:

– Да, живем-то мы – как попало, не можем разобраться, как жить – и это сколько уж лет. Даже тошно порой смотреть. Хорошо хоть, я много и не вижу. Вот на луну гляжу – и у нее уже не вижу лица, а помню что там, на луне, оно есть, лицо с пробитым виском. Так-то. Не вижу. Может, оно и лучше. И луне, наверно, не весело на нас смотреть сверху. Ошибаемся, хитрим, запутываемся – а все без толку. Ну, да недолго. Вырастет вот скала – и отсюда выдавит нас. Скала эта прет и прет. Будет здесь только камень. Хотя камень – он ведь тоже бывает разный. Он из трех сортов состоит: есть «трескун» – если его полить, а потом положить на солнце – то он рассыплется сам; есть «дикарь» – его не возьмешь каелкой, потому что крепкий. Есть «романтик» – он помягче «дикаря» будет, но он прочный. А «романтиком» его прозвали за то, что узор на нем такой, романтичный, с прожилками то есть.

Наладив каелку, старик ушел на грядку, где росла из ямки скала и начал каелкой срубать у нее вершину – чтобы дочка его и внучка могли еще немного пожить на этой земле и может быть, разобраться, где счастье.

2

Старуха торопливо вышла на веранду из дома, поздоровалась, заприговаривала, обрадованная возможному квартиранту:

– У нас хорошо, уютно; тихо тут – словно дача. Не то, что в городе, в такую жару. И море близко.

– Близко?

– Два шага! – хором ответили старик со старухой.

Они провели и показали гостю хибарку – дощатый домик, где в единственной комнатке впритык помещались три железные кровати, холодильник и тумбочка. По половику у окошка бежали черные муравьи.

– Это что у вас тут мураши снуют? – недовольным голосом спросил сибиряк.

– Они не кусачие эти, не помешают. Только почуют, что здесь люди – и деру, – заговорил дед.

– Не помешают ни за что эти, они завтра уйдут, их не будет, – убежденно заговорила старуха.

Сибиряк был в раздумье. Он подвинул на окне занавеску, посмотрел на куст розы перед хибаркой, снова пошел к двери и нарочно наступил повторно ногой там, где доски на полу прогибались.

– Сколько вы берете за такое жильё?

– Так, известно – везде одинаковая цена: восемьдесят пять рублей в сутки, – ответила старуха.

Гость хотел возразить. Старик опередил его:

– У других-то за такие деньги поселят-напихают как сельдей в бочку – а вы один здесь.

– Ну, хорошо, – сказал гость, – я останусь, – и поставил свою тяжелую сумку на пружинную сетку кровати.

Познакомились. Сибиряк назвался Виктором, сообщил, что прилетел из Тюмени. Пока ему стелили постель, он с дедом вышел из хибарки курить в огород.

– Красотища здесь у вас, – выдохнув своим большим ртом облачко табачного дыма, произнес Виктор. – Это какое дерево?

– Это гранат, – охотно объяснил дед. – Тут у меня слива воткнута, черешня, груша; там – яблоня, виноград, абрикос...

– Обалдеть!

– Это ливанские кедры. Я их специально посадил, чтобы от ветров защищали, – указал старик на высокие, выше дома, деревья с изогнутыми стволами, растущие по ту сторону ограды.

– А что они какие-то...

– Что?

– Кривые.

– Я же говорю – ветры. Здесь зимой почти что – с ног валит: так дует с гор.

Горы, покрытые лесом – зеленые на солнце и серо-голубые в тени, молодые горы с остро-зубренными, еще не обветренными краями, поднимались за городом, всего в нескольких километрах от дедова огорода.

– Все тут по-другому у вас. И земля какая-то белая, воздух мягкий, сырой. Горы. В другой мир попал, честное слово.

– Земля белая – от скалы, – сказал дед. – Здесь почти совсем земли нет: в глубину – всего-то на штык лопаты, а дальше все сплошь – скала. Не понятно, за что растительность держится. И скала эта прет и прет. Скоро нас совсем выдавит. Тут на самом деле – одна скала, больше

ничего нету... – старик собирался еще долго говорить про скалу, но Виктор отвлекся: из дверей хибарки появилась Вера, Виктор, улыбаясь, спросил ее:

– Там готово? Уже не терпится к морю! Где оно у вас? Где?

Вера, стройная и высокая, с голыми плечами, в сарафане на тонких ляпочках, глянула на Виктора искоса и замедлила шаг.

– Матери осталось подушку заправить в наволочку – можете заходить. Я сейчас на море пойду купаться – могу показать вам путь, – проговорила она без малейшей ответной улыбки.

Она подождала его за калиткой. От цикад звенело в ее ушах. Цикады гремели в полную мощь – это значит: не спадала жара, хотя уже близился вечер. Он вышел с баннным полотенцем на шее, вместо брюк, он натянул шорты – и волосатые его, тонкие ноги вызывали смех, но она не подала виду.

Всю дорогу Виктор пялился по сторонам – на одно- и двухэтажные кирпичные домики за низенькими заборами, на диковинные ему деревья: на одних среди сочной зелени виднелись плоды, другие еще красовались забавными, с пушистой бахромой, розовыми цветами. Ей хотелось расспросить его про Тюмень, он же восхищался и говорил лишь о том, что ей было неинтересно – об юге.

– Какие вы счастливые здесь! Вот повезло вам! Курорт, субтропики! Пальма! Я вижу пальму!

Вера взглядывала на него искоса и коротко отвечала. Она знала – никакого особого счастья здесь нет.

Море появилось внезапно – они обогнули забор чьего-то особняка – и тут оно было. На узкой полоске пляжа лежали под солнцем люди. Берег уходил излучиной влево и вправо, образовывал огромную бухту. Вдалеке, между оконечными мысами бухты: левым, толстым и правым, тонким скользили яхты по спокойной воде. Клиновидные паруса их белели на блестящем голубом фоне моря и на фоне неба, голубом, матовом.

– Видите рекламный щит? Идите туда. Это пляж санатория, там лежаки, дно получше, – указала Вера влево по берегу.

– А вы? – спросил Виктор.

– Я тут привыкла, под ивами.

– Если можно, я с вами.

– Как хотите. Мне все равно.

Они раскинули свои полотенца под ивами, на песке, метрах в двух друг от друга. Прозрачные волны докатывали к ним почти до самых ступней. Виктор первым разделся и рванул к морю. Вера мельком глянула, как он, бледный, костлявый торопится добраться по пологому дну до глубины, где можно нырнуть.

После купанья, она давно загорала, когда он, озябший, мокрый вылез из воды и прошел, оставляя на песке большие следы, к своему полотенцу. Он замерз до того, что у него посинели губы, выступила «гусиная кожа». Вздрагивая, он растирал себя полотенцем и восторженно улыбался.

– Бр-р-р... дрожу, как пацан!.. Я не к морю прилетел, а точно в детство свое вернулся!

Он подставил себя вечернему солнцу – долгоногий и длиннорукий, стоял зажмурясь, растопыривал свои пятерни.

– Каким счастливым было у меня детство! – отогревшись, начал говорить он. – И казалось, так и будет продолжаться всегда: это раньше, до меня, существовали преступления, войны – но во мне же нет этой злобы, и в моих знакомых, этого нет: все мы очень хорошие, славные люди, – значит, и жизнь у нас будет получаться такая же, хорошая, ясная. Вот теперь, из исходной точки, словно бы из детства, издали, взглядываешь на жизнь – думаешь, как мы заплутали все, боже! Я вижу теперь, я вижу...

– Кукуруза горяченькая, – произнесла возле них рябая девчонка, продала им два соленых початка и продолжила обход пляжа. Тихонько поскрипывал бидон с кукурузой, который она уносила.

– Вера, послушайте, вот она, тишина, – сказал Виктор.

Они выкусывали желтые пахучие зерна, ужасно вкусные натошак, смотрели, как парит дельтаплан над бухтой, как уплывают яхты под парусами за тонкий и толстый мыс.

В сумерках они вернулись домой. На туристическом примусе возле роз у хибарки Виктор принялся варить себе ужин. В алюминиевом котелке закипели макароны с тушенкой, разнесся по огороду мясной аппетитный запах. Матрос прибежал и, подрагивая хвостом, то и дело вспрыгивая на задние лапки, семенил кругами, скулил, смотрел на гостя преданными глазами, был уверен, что вот-вот от него перепадет счастье.

Стемнело как всегда на юге – в момент. В доме и в хибарке уснули. Среди ночи Вера будто бы отправилась в туалет – а сама свернула с тропинки, проскользнула крадучись под черной паутиной ветвей и скрылась в хибарке.

Спустя некоторое время вышел на крыльцо дед, смотрел долго в сторону хибарки, потом – на луну, прежде чем опять уйти в дом.

Конская голова

1

Мишка, воображая себя овчаркой Мамедкой, подбежал к дивану, вспрыгнул на лежащего там отца, лег пузом и забарахтал лапами, выкапывая между стенкою дивана и отцом себе нору. Отец подался немного в сторону – Мишка провалился вниз, в образовавшуюся щель, и застрял там; повозился-повозился – и выставил из щели свою всклокоченную голову, потом уселся и пропищал, глядя в лицо родителя:

– Пап, а дядя Витя с тетей Таней опять поехали на машине кататься! Честно... Я в окно видел.

– Нам-то что до них? Пускай едут... – равнодушно пробасил отец, отрываясь от детектива, который держал в вытянутой руке над собою.

«...Черноокая красавица весело и лукаво прищурилась, игриво глянула влево. Она успела заметить под пиджаком опера кобуру пистолета...» – нашел он строчки, на которых остановился.

– Пап, а мы эту машину купим... мы тоже будем на ней кататься? – допытывался между тем Мишка, дергая отца за майку.

– Ну а то! – пробурчал в ответ Дмитрий и отыскал взглядом на странице потерянную было строчку.

«...Черноокая красавица весело и лукаво прищурилась, игриво глянула влево...»

– А ты меня возьмешь, пап? Возьмешь?.. – снова помешал чтению Мишка.

– Да возьму, ты... Не толкайся ты только!

«В ту же минуту из-за куста сирени, в десятке метров перед ними, на дорожку вышагнул Северный. Это был рослый, спортивного типа детина, туго обтянутый тенниской...»

Дмитрий свободной рукой перевернул листок, намереваясь читать дальше, но Тамара, жена его, показалась в дверях комнаты и, подбоченясь, вступилась за сына:

– Что, не можешь разве по-людски с ребенком поговорить? Только одно и слышу: уйди – не толкай, уйди – не толкай! Что боровом-то лежать? Уже и развлечь не в силах мальчишку... А позаниматься – я уж молчу!

– Пап, я букву «г» вчера выучил! – похвастался Мишка. – Меня мама азбуке учит.

Дмитрий сунул детектив под диван и похлопал сына по плечу, подавая ему знак, чтоб помалкивал. Тамара, однако, больше ничего не сказала, сверкнула гневно на мужа своими синими, близко к переносице посаженными глазами, развернулась в дверях и отправилась на кухню.

– Папа, а это гоночная машина? – ободренный вмешательством матери, начал выпрашивать Мишка.

– Нет, обыкновенная она... Просто – «Москвич».

– Обыкновенная?.. – протянул с удивлением Мишка.

Дмитрию и самому показалось, что «обыкновенная» – это немного не то слово для этой машины.

– «Комби» она... Для сельской местности... Улучшенный вариант... – поправился он.

Мишка просиял, заулыбался во всю свою рожицу. Нижний передний зуб у него уже выпал – на его месте темнела дыра.

– Беззубый! – поддразнил сына Дмитрий и добродушно захохотал.

– Ты сам беззубый! – залился в ответ смехом Мишка, пытаясь тыкнуть тонким указательным пальчиком ему в рот – туда, откуда давно вылетел обломившийся протез и где на соседнем зубе белела металлическая коронка.

– Значит, и тетя Таня с ним укатила?

– Да, укатила! А Кольку они не взяли – он по улице гнался за ними.

– Заревел, что ли?

– Да нет... А так он, просто... Вичкой махался... А теперь он, пап, из рогатки в банку стреляет! Я ему погрожу кулаком, можно, пап?

– Ну уж погрози, чего там... – иронично позволил Дмитрий, представив себе, что должен чувствовать Мишка, показывая кулак соседу, на два года старше его, от которого он сносил немало синяков и шишек и которого побаивался.

Получив разрешение, Мишка с важностью надул щеки, переполз через отца, соскочил на пол и пустился к окну. С кресла он стал выглядывать Кольку.

– Колька, Колька!.. Колян! Ты где? – так и не увидев его, прокричал он через стекло.

– Ну чего? Тут я... – отозвался с улицы мальчишеский голос.

– Вот тебе! – азартно выкликнул Мишка, просовывая между цветочными горшками на подоконнике к самому стеклу свой кулак.

– Ты только выйди на улицу!.. – моментально последовала угроза.

Мишка обернулся с кресла и посмотрел на отца.

– Пап, а можно я ему фигурку покажу? – придумав, чем еще поразить Кольку, спросил он у отца.

– Покажи...

– Вот тебе – фигу! Я не выйду!..

В стекло окна что-то стукнуло

– Пап, это Колька! Честно, честно, это он, папа! Иди – ему погрози! – захлебываясь от волнения, затараторил Мишка.

– — Я вот сейчас... Как встану! – крикнул отец с дивана, чтобы припугнуть Кольку.

С кухни раздался голос Тамары:

– Вы чего это прицепились к мальчишке? Ну-ка, чтобы я больше не слышала!

Мишка перебежал с кресла к отцу, уселся на диване, как ни в чем не бывало.

– Пап, мы эту машину купим – мы на ней по улице будем ездить? Мимо Колькиного дома, да?

– Ага...

– До самого конца улицы будем, да, папа?

– До конца...

– А потом развернемся – и обратно, да, папа?

– Почему обратно? Там и дальше дорога есть... На Кабан...

– А-а... – произнес Мишка, запрокидывая голову назад, хотя ничего не понял.

– Кабан – это котлован так называется. Медную добывали руду... Ну, яма... Большущая-пребольшущая яма! – нашел нужным объяснить ему Дмитрий. – Там если на краю встанешь, то человечки внизу будут ростом, как мухи

– Клево! – завопил Мишка (это словцо он перенял у приятеля). – А Кольку мы не возьмем туда? Кольке ведь мы не покажем?

– Нет, конечно. Зачем он нам нужен – казать?.. У него свои родители есть...

– Есть у него, есть! – с готовностью подтвердил Мишка. – Только у него папа не настоящий! Честно... Колька мне говорил...

– Дураки вы оба, вместе со своим Колькой! Самый настоящий у него папа.

– А он мне сам говорил!

– Что ты заладил, как маленький? Папа как папа... Чутьочку не родной если... но это дело обычное... Просто у него в другой семье еще дети есть. Братишки они как бы у Кольки... Папа – так пусть и называет, скажи ему...

– Я уже не маленький, папа, – мне пять лет! – напомнил Мишка, задетый за живое. – А если в другую сторону будем ехать, мы куда попадем?

– И туда тоже, за поселок, по дороге можно будет катнуть... Там тоже – яма. Она еще глубчее... Называется – гора Благодать. Только там давно уже нет горы, а котлован, здоровущий такой котлован! Железную руду добывали. Даже наш дом, если его туда поставить на дно, книзу, будет казаться с муху.

– Ух ты! Вместе с трубой? – спросил Мишка, растарачивая глаза.

– И с трубой, и с двором, и с сараем, и с баней!

Мишка уже не мог усидеть – он подскочил и побежал на кухню к матери рассказывать ей все, что узнал от отца.

– Поедете вы, поедете – с печи на полати! – услышал Дмитрий недовольный голос жены.

– Ну, ма-ма! – начал похныкивать Мишка.

Дмитрий притворился, что задремал. Тамара снова появилась в дверях и заговорила:

– Конечно!.. Ни у меня, ни у ребенка на зиму одеть нечего, а ему подавай этот металлолом. Он лежит тут, развалился, как фон-барон! А был бы путевый мужик, вместо того чтобы дрыхнуть, пошел бы да починил над сараем крышу. Но где же! Нас ведь не допросишься... Это же ниже нашего достоинства! Сарайка, черт с ней, пусть гниет! Что нам сарайка? Мы же на драндулете будем кататься!..

– Да помню я, помню про крышу! Вот баба... – процедил будто бы сквозь сон Дмитрий.

– Я тебе сейчас такую покажу бабу! Бабу нашел!

Тамара!.. Ну, Виктор вернется сейчас – и будем чинить! – воскликнул Дмитрий, из осторожности приоткрывая на жену глаза.

2

Когда по дороге мимо палисадника протарахтел «Москвич» и, свернув с асфальта, подъехал к воротам соседнего дома, Дмитрий с Мишкой вышли из своего двора и направились к машине. За пояс штанов у Мишки был заткнут наган, за плечами болталось пластмассовое ружье на узеньком пластмассовом же ремешке. Дмитрий шагал расслабленной, шаркающей походкой, изредка подпинывал сандалей вперед попавшийся ему на пути камушек, руки держал в карманах мятых рабочих брюк.

Сосед Виктор, юркий, худощавый мужик среднего роста, открыв капот «Москвича», что-то делал с мотором: то склонялся к нему и крутил там отверткой, то разгибался и шмыгал в кабину, надавливал на педаль газа у работавшего на холостых оборотах автомобиля.

– Что, прокладку пробило? Счет вроде бы, да? – сказал Дмитрий соседу, допнув камешек до колеса и вслушиваясь в звуки двигателя.

– А-а... это ты? Привет... – отвечал Виктор, оглядываясь на него. – Счет немного... Да... Разве что самую малость. Ерунда! Прокладку заменить у глушителя – плевое дело. Вы-то что тут гуляете? – спросил он, подавая Дмитрию для приветствия пахнущую машинным маслом руку с зажатой в чумазом кулаке отверткой.

– Здорово, здорово! – произнес Дмитрий, пожимая жесткое волосатое запястье его руки. – Мы тут... Дельце есть к тебе... Пришли вот поговорить...

– С Колькой, что ли, опять поцапались? – посмотрев на Мишкино вооружение, спросил Виктор и коротко усмехнулся. – Правильно, надо его прижать – совсем ведь избойчился пацан! Нет его... Подождать вам придется. Он за жвачкой побежал в гастроном.

– Вот еще! Буду я вмешиваться! – опроверг его Дмитрий. – Сами как-нибудь разберутся. Они ведь – то до синяков дело, а то не разлей вода... Ты не думай, я не поэтому...

– А что?

– Да на счет крыши все... у сарайки... Я чего хочу-то? Ты бы помог мне, а? Металлошифер чтоб с земли подавать. Часа на три это работы, не дольше.

– Крышу? Почему не помочь? Поможем... Крыша в хозяйстве – тоже незаменимая вещь. Вот только настрою. Уровень, видишь, убавил у карбюратора. А то тянет, как зверь! В горку, ту, что в центре, сейчас – преспокойно на третьей. И хоть бы дернулась или чихнула... Но и горючку лопают тоже – это само собой. Но как на новой так: легонечко, самую малость, газку поддал – и она пошла, пошла в горку, только держись! Прет и прет! Мужики там эти... мимо, по тротуару... Женька идут с Серегой... Оглядываются идут на меня...

– Это которые это?

– Женька-то? А на белой «копейке» ездит который... И Серега с ним шел. Ну, у того – «Нива»... Оглядываются, смеются идут, а она, как новая: в гору так! Ладно, думаю, приеду домой – убавлю: где по поселку тут? Негде гонять!

Виктор протер ветошью жало отвертки и опять нагнулся к мотору; Дмитрий с Мишкой начали медленно обходить вокруг машины, в сотый раз рассматривая ее.

– Вот, Мишка, понял? Вот что такое «комби»... – И отец указал сыну на скошенную заднюю дверцу автомобиля.

– Понял! Папа, давай его купим!

– Надо подумать, – как можно равнодушнее ответил отец.

– Во, во! Проси отца, Мишка, проси! Так и будет думать довеку... И продумает все! – подал реплику из-под капота Виктор.

– Тут ведь вопрос такой... Обоюдоострый вопрос... – флегматично парировал Дмитрий. Он присел и стал колупать ногтем вмятину на заднем крыле.

– Ерунда это! Я же тебе рассказывал... Замастичится там... – каким-то образом угадав, чем сейчас занят сосед, быстро произнес Виктор.

Наконец наладив двигатель, проверив, как он работает с подгазовкой и что не глохнет, когда сбрасываются обороты, как следует его расхвалив и даже позволив Мишке повключать гудок, Виктор распахнул обе половинки ворот и загнал машину во двор. Там он отсоединил аккумулятор от «массы», запер на ключ все дверцы.

– А то Колька, бес этот, заводит тут все ногами, – пояснил он. – Ты вот слушаешь папку, а?

– Слушает, – ответил за сына Дмитрий. – Он у меня молодцом.

– Слушаю, – поддакнул Мишка.

– Ну вот, я и разрешил тебе погудеть. А Колька вредничает всегда – ему шиш! Пусть в кулак дудит... – довольный своей остроотой, Виктор направился в дом.

Наскоро перекусив, он оделся в рабочее и вышел к соседям. Черный кобель Мамедка встретил их оглушительным, густым лаем, когда они втроем входили во двор.

– Ну-ка, цыц! Ана-фема! – закричал Дмитрий, схватил с поленицы березовое полено и замахнулся им на собаку.

Мамедка уполз в тесную конуру, сумел там крутануться и, вывалив из лаза наружу свою огромную голову, продолжал рычать на гостя и скалиться страшными молодыми клыками. Под его вожделенным охотничьим взглядом Виктор начал помогать хозяину перетаскивать со двора металлошифер в огород, к стене сарая. Мишка шустрил под ногами у них и мешал.

– Ты иди, Мишка, на улицу. Возитесь там с Колькой, – посоветовал ему Виктор и добавил: – Да не бойся ты, иди! Скажи, я велел!.. А если драться будет, кричи, я услышу...

Мишка вприпрыжку убежал на улицу. Дмитрий принес со двора деревянную лестницу, приставил ее к сараю, проверил, чтоб она не катилась, и стал по ней взбираться.

– Один-то осилишь? А то бабу, может, позвать? – спросил он у Виктора, уже поднявшись до стропил.

– Да справлюсь, справлюсь я, давай – не зевай! – подбодрил его снизу Виктор.

И тогда Дмитрий, подергав рукой сероватую доску с поперечными планками, нацепленную на конек крыши, и убедившись, что она еще пригодна для лазанья, опасливо переступил на нее с конца лестницы.

– Ну, начнем? Толкай сюда по лестнице первый лист, – скомандовал он, когда немного освоился на доске, вытащил из кармана молоток, стальной пробойник и гвоздь с широкой шляпкой.

Прибив к крыше двенадцать листов шифера – три ряда по четыре листа в каждом, – сделали перерыв. Виктор закурил сигарету, сел на межу, спустил ноги в борозду и принялся за излюбленный разговор про машины; Дмитрий, некурящий, поленился слезать с крыши, а поднялся на самый верх и уселся на гребне ее – отсюда он озирает округу и рассеянно слушал соседа.

Поселок, оглядываемый с высоты крыши, смотрелся несколько по-другому, чем это было привычно. Прежде всего, не было видно улицы, потому что он сидел к ней спиной, а перед глазами у Дмитрия, влево и вправо, докуда достигал взор, тянулась позади домов поселка полоса огородов, теряясь и там, и там – за склонами лысых, перепаханных холмов. Здесь было безлюдно, тихо, и заметно было по неторопливо раскачиваемой и пригнетаемой большими пятнами к земле картофельной ботве, как кружит в этом пространстве летний ветер. Тот же летний, теплый ветер овеивал щеку Дмитрия и посвистывал в ушах: казалось, что ветру нужно было откуда-то издалека-издалека разогнаться и знать, что ему предстоит лететь еще очень и очень долго, чтобы он мог издавать это тихое, тоскливое попискивание, временами напоминавшее стон.

– Не стремиться бы отсюда, – опомнился Дмитрий, глянул вниз и осторожно пересел на крыше удобнее.

Покрытая металлическим шифером часть крыши матово отсвечивала под ногою, под другой ногой чернел старый, местами продырявленный рубероид.

«Протекает, конечно... Давно уже починить надо было», – подумал Дмитрий.

И вдруг он вспомнил себя школьником средних классов, вспомнил, как он ползал внутри сарая, под этой крышей, и присматривался, как удобней будет ее разломать, чтобы взамен ее установить купол и оттуда наблюдать звезды. Дмитрий усмехнулся, ему показалось странным, что он мог быть таким; даже и не верилось в это, подумалось даже, что это, скорее, был какой-то другой мальчишка, а никак уж не он сам; захотелось оглянуться – посмотреть, не бегают ли еще около сарая этот странный мальчик.

– Слышь, Виктор? – позвал он соседа с крыши.

– Чего? – вдавливая окурок в землю, откликнулся тот.

– А я ведь вообще хотел разломать эту крышу! Пацаном когда был... Честно!..

– Верю, – равнодушно произнес Виктор, вставая на ноги и прогибая в пояснице спину. – Пацаны, они все такие дуралеи... И я такой был... Ну, давай, мы будем продолжать, что ли? А то мы так до ночи не кончим.

– Давай... – согласился Дмитрий, глянул на небо и подумал: «Интересно, есть там еще созвездие Кассиопеи в виде буквы дабол-ю? Странно, а за все эти годы о нем и не вспомнил. А ведь должно же оно там быть!»

3

Вечером обмывали новую крышу. На столе в тарелках дымились три порциипельменей, только что отваренных Тамарой, валялись на скатерти пушистые хлебные крошки, стаканы поблескивали увлажненными гранями, водка в бутылке была уже на доньшке; Виктор и Дмитрий, раскрасневшиеся, усталые, вели разговор.

– Нет, ты послушай, послушай! – говорил Дмитрий и, чтобы согнать с себя опьянение и доходчивей втолковать свою мысль, встряхивал головой. – Дабол-ю там, на небе! Понимаешь меня? Вот такая вот она – дабол-ю! – и Дмитрий чертил пальцем на скатерти две соединенные галочки.

– Да мне похер – дабол там или не дабол! – отвечал ему Виктор, наваливаясь грудью на стол. – Ты мне лучше объясни, будешь ты брать машину или не будешь? Я ведь и другого покупателя могу поискать. Что ты думаешь, я на такую машину покупателя не найду?

– погоди ты с машиной! Понимаешь, начисто все забыл! Виктор! А они так и оставались там все время, у себя наверху, – звезды!

– Нет, вы его послушайте! Я о деле ему, а он мне очки втирает! Что мне до твоих звезд? Мишка, почему твой папка не хочет купить машину? – отнесся Виктор к мальчишке, листавшему на диване книжку с картинками. – Ты вот, Мишка, ответь мне, хочешь ты на машине кататься?

– Напились, так и не приставайте к ребенку, а то еще напугаете у меня его! – раздался с кухни голос Тамары.

– Хочу, – угрюмо ответил Мишка и исподлобья поглядел на отца.

– Не надо, Виктор, наманивать пацана... – произнес Дмитрий, которому эта выходка соседа не понравилась. – Сами с тобой как-нибудь разберемся. Да и ездить-то тут куда? От ямы до другой ямы... А наверху там, Виктор, ты только себе представь – вот ведь где расстояния!

– Что ты выдумываешь сидишь? Я ему про «Москвич», а он мне – про какой-то космос!

– Если б там ветер был, как бы он там задул! – говорил Дмитрий, впадая в мечтательность. – Космос, Виктор, ведь он большой. Вокруг все – черно-черно... Звезды рассыпаны, как крошки... желтеют... Красотища! В космосе всего много. Что бы ни придумал тут, на Земле, а там уже есть! И родители раньше тоже – мне, до женитьбы... – начал он после паузы, – нет, еще перед армией: посерьезнее становись! Так всю жизнь и проглазеешь на небо!

– Уже и жена тебе помешала! – раздался на кухне выкрик.

– Да нет! Тамара, Том!.. Я же ведь не об этом!

– Мало того, терплю его, ирода, столько лет! Он еще и оскорблять меня будет при людях. Другой, путный мужик, в ножки бы давно поклонился!

– Тш-ш! – прошипел Дмитрий, прикладывая палец к губам, и Виктор понимающе кивнул головой.

– А в космосе, Виктор! – понизив голос, продолжил объяснять Дмитрий соседу, когда Тамара на кухне поуспокоилась. – В космосе... Написал вот в книжке один фантаст, что у Марса два спутника и они обращаются один за столько-то часов вокруг Марса, а другой – за столько-то. И что? Через пятьдесят лет изобрели мощные телескопы, видят: точно все, как он говорил... Два спутника и вращаются – час в час!

– Да мне-то по фене! – пренебрежительно отозвался Виктор

– Но разве не удивительно? – не согласился Дмитрий. – А в созвездии Ориона пылевая туманность есть, послушай меня, называется Конская голова. На фотографии ее видел... Представляешь, будто бы табун целый, кони – сумятица, вихорь, – мчатся куда-то все, распластались!.. А над их спинами выставляется – шея запрокинута назад, грива раздулась – конская голова! И у этой головы, Виктор, рот раскрыт – она ржет! Вот расстояния-то где, Виктор!

От одного зуба той головы до другого на твоём «Москвиче» за всю жизнь не доехать! Представь себе только! Мишка! – вдруг обратился он к сыну. – Нужен нам с тобой такой автомобиль или не нужен?

– Не нужен, – ответил Мишка, поняв, чем угодить папе.

– Космос! Космос! Дался вам этот космос! Всю жизнь вам ехать! Да вы перегрызётесь на следующий же день! – воскликнул в сердцах Виктор, поднимаясь из-за стола. – Сам ты – конская голова! У тебя самого это – в голове вихорь! – прибавил он напоследок и вышел из дома.

...Утром Дмитрий проснулся позже обычного и в мрачном расположении духа. Тамара давно уже встала, оделась и уже опять гремела на кухне посудой. Даже Мишка уже был на ногах – он топтался по креслу, высматривая на улице Кольку. Дмитрий сунул под диван руку, нашарил там детектив, достал и начал читать.

«...Черноокая красавица весело и лукаво прищурилась, игриво глянула влево...»

Хотя ему никто не мешал сегодня, Дмитрий опять сбился.

«...Черноокая красавица весело и лукаво...»

– Да не отирайся ты там, у окон! Чего ты дразнишь мальчишку? – закричал он на сына. – Иди сейчас же к нему и скажи, что мы покупаем у них машину! Покупаем... И что мы будем его катать!

– Честно? – обрадованно спросил Мишка.

– Честно... Иди...

Мишка спрыгнул с кресла и сиганул к двери. На кухне громко хлопнули створки шкафа...

Машину Дмитрий купил и катал Кольку, как и пообещал; по вечерам читал детективы, про космос больше не говорил, но с легкой руки Виктора прилепилось к нему в поселке обидное прозвище – Конская голова.

«...Черноокая красавица весело и лукаво прищурилась...»

Петровна и Сережа

Плюгавенький круглолицый мужчина в жеванном пиджаке подошел в послеобеденное время к домику Петровны и заколотил кулаком по стене. Во дворе начала лаять собака и загремела цепь, протягиваемая по проволоке, но ни в доме, ни со двора никто не отозвался и дверь никто не открыл. Подождав немного, мужчина вошел в палисадник и постучал по стеклу окна. За окном появилась плохо причесанная седая старушка. Щурясь без очков, она глядела сначала выше головы гостя, но, наконец, опустила взгляд, рассмотрела и узнала его.

– Подожди, Семен, сейчас я открою, – сказала она и отошла в комнату.

Поздоровавшись с вышедшей из ворот, уже прибравшей себя Петровной, Семен предложил ей посидеть на скамейке и поговорить. Они не виделись около месяца. Присев на теплую скамейку, Петровна сказала:

– Эти синоптики совсем изоврались. Обещали грозу, а сегодня целый день снова палит и никакого дождя... Ну, как вы все там живете? Расскажи.

– В гости к нам приходи – сама все увидишь, – засмеялся мужик. – Что ты давно у нас не была? Мы с Натальей уже и так говорили: надо узнать, не заболела ли тетушка. Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо. Скажи, что здорова. Дела одолели. Окучивала огород. Сегодня мы с Фаиной ходили в поле за земляникой, только недавно вернулись. Я прилегла и, вот на тебе, уснула. Старушка ушла во двор и возвратилась со стеклянной банкой ягод в руках и с кружкой, наполненной земляникой.

– Попробуй, – предложила она Семену и насыпала ему на ладонь ягоды из кружки. – А это – Наталье с дочкой, – сказала она, подав банку. – Пусть угостятся.

– Может быть, тебе надо помочь что сделать по хозяйству? – спросил гость.

– Пока не надо, – ответила Петровна. – Когда соберусь косить сено для кроликов, я тебе передам... Почему ты сегодня не на работе? – спросила она. – Опять уволили?

Семен замотал головой: «Нет».

– Я сейчас устроился работать сторожем в больничном городке. Ночь через две. Мое дежурство сегодня с пяти часов вечера, – сказал он.

Они замолчали, греясь на солнышке и разглядывая прохожих.

– Мы халтурили тут на днях, – начал говорить Семен, проглатывая землянику. – С мужиками копали могилу Прокопьеву Ивану Дмитриевичу. Царство ему небесное. Знаешь, жил на Иканиной улице, работал в семнадцатом цехе?

Петровна кивнула, представив лицо того, о ком он говорил и положила в рот несколько ягод.

– Я потом пошел побродить по кладбищу – знакомых лежит много. Наткнулся на могилу твоего Сергея. Смотрю, на памятнике вся краска обшелушилась. Наверное, зимой. Ведь вон какие были морозы. Трава, смотрю, вся подрезана, в оградке цветы, а памятник стоит – весь облез. Ты его почему не выкрасишь?

Петровна как раздавила языком землянику, так и застыла, услышав его слова. Но вот, протолкнув со слюной показавшиеся горькими ягоды, она произнесла, глядя перед собой:

– Не привезли краску в магазин. Выкрасить нечем.

– Так ты бы давно мне сказала, – зашевелился Семен. – У нас целая фляга этой краски спрятана на работе. Затащили весной, когда ремонт в больнице делали. Я тебе отолью.

– А не заругают тебя?

– Нет... Петровна... ты мне дай три шестьдесят две, чтобы сменщики не обиделись, я тебе три литра краски завтра утром принесу. Наталье только ты не говори.

– Ладно, – пробормотала Петровна и вытащив кошелек из халата, отсчитала бумажки и мелочь.

Когда Семен ушел, очень довольный, Петровна вернулась в дом.

Вечером радио сначала засвистело, потом передало сигналы точного времени и обаятельный мужской голос объявил из него: В Москве – 16 часов, в Горьком – 17, в Перьми, Челябинске и Свердловске – 18, в Новосибирске – 19, Владивостоке – 23 часа, в Петропавловске-Камчатском – полночь.

Радиоприемником служил у Петровны репродуктор-тарелка еще довоенного производства. Дослушав программу передач на вечер, Петровна отправилась за хлебом в центральный магазин. Можно было купить хлеб и в магазине через дорогу напротив дома, но ей захотелось чем-то занять свое время.

На пруду, по набережной которого старушка шла, как обычно, сидели в лодках рыбаки, приткнув к кольям лодки недалеко от берега. Вечер был хорош – теплый, не жаркий. Тополя в аллее на набережной тихо шумели. По левую руку за заводским забором чем-то громко стучали в доменном цехе.

Воротившись из центра еще до восьми часов, старушка, не принимаясь ни за какие домашние дела, сразу же села к репродуктору.

Около половины девятого, когда диктор произнес: «На этом наша передача заканчивается, Петровна попросила: «Сереженька, ты не уходи. Мне надо с тобой поговорить».

Года два тому назад, случайно, даже быть может, в шутку, она обратилась в первый раз со словами к радио, представив себе, что ее сын Сергей живет в Москве, работает на радио и с ним она может поговорить вот так, пусть он ее порой и не слышит. Из мужских голосов дикторов ей нравились два, очень между собой похожие и она стала представлять, что это голос ее Сережи. Однако, очень скоро это перестало для нее быть игрой. Ей нравилось думать, что в Москве у Сережи есть квартира, дети, жена, что он ездит на работу в «Жигулях», что он очень вырос, стал высокий и волосы у него все так же вьются. Почти реально она ощущала прикосновение своих ладоней к этим кудрям. Он говорит, смущаясь: «Что ты, мама?»

– Ничего, ничего, Сереженька, работай, – говорит она ему. – Просто я поправила твои волосы.

Ее чувства по отношению к сыну не были просты. Одна была светлая сторона мысли о том, как Сережа живет в Москве, ее грезы, ее вечерние разговоры с ним около репродуктора. К несчастью, была еще другая сторона, темная, ужасная. Эти чувства всегда поднимались в ее

груди с воспоминания об обтянутом побелевшей кожей лобике, раскачивающемся над краем гроба, когда этот гроб подносили к могиле. Дальше она ничего не помнит, потому что перед разрытой могилой, куда люди должны были закопать ее сына, она потеряла сознание.

– Он там? – спросила она на другой день после похорон у своей матери, придя с ней на кладбище.

Та ответила, даже не удивилась:

– Да, он там, Люда.

Но матери ее уже давно нет и больше не у кого ей это спросить еще раз как ей иногда хочется.

– Сережа, – позвала она сына. – Ты ей скажи, если увидишь ее. Пусть она меня не мучает больше. Приходит она ко мне, Сереженька, по ночам и все зовет меня, зовет к себе детским голосом, плачет. Жалуется мне: «Мамочка, что ты со мной сделала.» Говорит, что без меня одна очень боится. И я не сплю уже которую ночь и до самого утра тоже все плачу. И мне тоже так страшно. Сереженька, ведь если б была моя воля, то я бы давно уже была с вами.

Каждый вечер в августе мимо дома Петровны проходили студенты-стройотрядовцы, возвращаясь после работы в свой лагерь. Однажды старушка остановила их и спросила, не сможет ли кто-нибудь из них починить радио. Один студент вызвался это сделать. Петровна провела его в дом. Увидав репродуктор-тарелку, паренек даже растерялся.

– Неужели это чудо еще и работало? – спросил он.

– Работало, – сказала Петровна.

– Вы бы лучше сдали его в музей, а себе купите новый приемник, – посоветовал юноша.

– Нет, я привыкла к этому. Я его носила в мастерскую. Не взяли. Посмеялись и сказали, что радио не стоит денег за починку.

Старушка прямо на глазах поникла, увидав, что и студент не может ничего сделать. Тот все-таки повертел репродуктор в руках, посмотрел его. Полломка оказалась удивительно простой: отвалился один медный проводок. Студенту понадобилось пять минут, чтобы вытянуть провод из шнура, зачистить и прикрутить его на место. ключили радио в сеть. Оно заработало. Голос диктора разнесся по комнате. Студент только удивился, до чего радовалась

старушка. Она стала предлагать ему деньги за ремонт, он отказался. Потом он увидел в простенке большую икону и спросил:

– Вы верующая?

– Я-то? – переспросила Петровна. – Нет. Икона осталась от матери. Я когда работала на заводе бухгалтером, то прятала ее на чердаке. Боялась, что засмеют, если увидят, начнут говорить: «Отсталая ты, Людмила Петровна», а ведь у меня бухгалтерского образования не было и я все дрожжала, что могут уволить.

– Не уволили? – спросил студент.

– Нет. Теперь я уже на пенсии десять лет.

– Может быть, продадите мне эту икону? – осторожно спросил студент.

Она подумала и сказала: Знаешь, бери ее себе так.

Студент снова удивился, но икону взял и ушел. Этим же вечером Петровна сидела перед репродуктором и говорила:

– Ты уже давно стал взрослым, Сереженька, ты меня можешь понять. Хочешь, я тебе, только одному тебе расскажу, как все было?

Радио передавало какую-то музыку, но старушка не обращала на это внимания.

– Когда началась война, тебе было шесть годиков. Отца мы проводили на фронт, ты это помнишь? А потом принесли нам с тобой похоронку. Многие их тогда получали. И мы остались одни. На заводе в войну работали по двенадцать часов. Я вытаскивала снаряды на токарном станке. Осенью, уже под конец смены ко мне идут, говорят: «Людка, твой Сережа заболел. Фая Черногорова, твоя соседка, сейчас велела передать».

Я отпросилась домой. Тогда с этим строго было. У нас Прокопьев мастером был, он решил. Помню, на плотине бегу, а сердце так и колотит, так и колотит. Прибежала домой, ты лежишь весь в поту, а температура под сорок. Вызвали доктора. Она послушала тебя и сказала: «Надо его везти в больницу, это воспаление легких». Я так и присела, ноги подкосились. Увезли мы тебя в больницу на их машине. Ты только все постанывал. Я каждый день на работе, а потом бегу к тебе в больницу. А тебе все хуже и хуже. Кашель начался. Кашляешь так, что на матрасе весь согнешься. Приступами, подолгу. И я не знаю, чем тебе помочь, только рядом сижу и реву.

Мне тогда посоветовала медсестра, что нужно достать пеницилин. В больнице его нет, но может быть, есть в госпитале. На другой день я туда пошла, к самому главному врачу. Ему тогда было 35 лет, он отец того Семена, мужа Натальи, что приходит ко мне. Смотрю, сидит такой важный, насупленный, курит. На нем одет китель с погонами. А как начал со мной говорить, улыбаться начал. Я тогда еще была красивая. Говорит мне, что ничем помочь не может. Лекарство строго подотчетно. Старшим офицерам, раненым на фронте, и тем не хватает. Я вижу, что я понравилась ему очень. Он был тогда холостой. Пришла опять к тебе, а ты в постели лежишь, слабенький. Говоришь мне: «Мама, мама...» и волосики у тебя на головке все слиплись.

Старушка заплакала, зашмыгала носом и, вытирая слезы платком, сказала:

– На другое утро я испекла несколько пирогов и после работы пошла снова к нему. Он пироги не взял, лишь улыбнулся и сказал, что он ко мне придет в гости. Пришел. И я с ним, Сережа, переспала. Пеницилину он дал. Такие острые стеклянные ампулы. Десять штук. В них налито что-то прозрачное. Стали делать тебе уколы. Я ждала, что вот-вот

начнет помогать. Но – нет. Один раз в коридоре слышу – врачи разговаривают в своей комнате, говорят: «Слишком поздно, он не выживет».

Когда я это услышала, то побежала к тебе и начала тебя целовать, целовать как безумная. А потом отодвинулась, подумала, что у меня, наверно, сильно пахнет от кофточки табаком, я вся от него табаком пропахла. Ты такой беспомощный был, Сережа, только ручкой пошевелил.

В ноябре мы тебя похоронили. Семен, его тоже Семеном звали, неделю ко мне не показывался, а потом пришел, так я его чуть не убила – кинула в него топором. Он больше не приходил.

Старушка прервала свой рассказ и потупившись на свои руки, сложенные на колени, молчала. Потом произнесла:

– Скоро я узнала, что я беременна от него. И так мне и этот Семен и его ребенок были противны, что я и выразить не могу. На втором месяце я натопила баню, выпила три стопки водки без закуски и села в бане в бак с горячей водой. Посидела в нем и у меня произошел выкидыш. Я сама тогда еле выползла через порог в предбанник и чуть не умерла. Ребенка я тайком закопала в саду под кустом. И вот теперь она ко мне ходит, говорит, что она моя дочка и все меня к себе зовет и зовет...

Через год Петровна умирала от рака. Живот у нее раздулся, как у беременной, а руки и ноги похудали так, что видна была каждая косточка. Дважды врач делал ей выкачку жидкости из живота. Каждый раз через иглу, которой протыкали живот, из Петровны вытекало по тазу воды. В третий раз врач приехал по вызову и удивился, что старуха еще жива, однако прокалывать ей живот не стал, сказав, что она больше не выдержит этого.

Петровна прожила еще около месяца. За ней ухаживала Наталья. Иногда, чтобы помочь перестелить постель, приходил Семен. Когда Петровне делалось лучше, она выпрастывала свою руку из-под одеяла и придвигала репродуктор ближе к себе. Один раз она попросила Наталью, чтобы та положила этот репродуктор к ней в гроб. Отойдя на кухню, Наталья только покачала головой: «Совсем с ума сошла тетка: собралась на том свете радио слушать».

В декабре Петровны не стало. Еще спустя полгода могилу Петровны вскрыли и ей на гроб поставили другой маленький гробик – у Натальи родилась пятимесячная девочка и не выжила.

– Вот, пришла к тебе, тетя Люда, внучка. Береги ее и ухаживай за ней, – сказала Наталья.

Перед тем, как начали забрасывать яму, она велела Семену положить в нее репродуктор – пусть слушают.

Лучшая коллекция ненужных воспоминаний

1

Особенно рыжий досаждал ему своими вопросами. И вопросы все были дурацкие! Вот сегодня возьми и спроси:

– А ты помнишь про солнце? Когда ночью лежишь в темноте, помнишь, что будет день?

– Помню, – ответил Сергей и поспешно нагнулся, сунул на пол, под кровать к рыжему эмалированное судно. Он заторопился уйти, почувствовал, рыжий сейчас прицепится. И действительно прицепился, а Сергей уйти не успел.

– Значит, про солнце помнишь, а про себя, кто ты, – ты забыл?

– Ну, выходит, забыл и что?

– А про солнце помнишь?

– Про солнце помню.

Рыжий поднял свою голую, в рыжих волосах руку, поднес ее к лицу, посмотрел на нее, какая она бледная, провел ладонью этой руки себе по щеке, потом скребнул ногтями щетину на подбородке. Спросил:

– Можешь меня побрить?

– Бритву принесу сейчас, – буркнул в ответ Сергей и направился к выходу.

Рыжий встрепенулся, даже оторвал голову от подушки, остановил его вопросом:

– Электрическую?

– Электрическую, не бойся, – успокоил Сергей, а сам подумал, не обидеться ли на рыжего?

Он принес тарахтящий раздолбанный «бердск», начал водить им по щекам рыжего, прикасался к ним осторожно. Тот заморщился: щетина у него многодневная.

– Что, закусывает?

– Щиплет, падла, – через зубы процедил рыжий.

Нужно было с рыжим не разговаривать, но Сергей не смог стерпеть и сказал:

– Так-то я нормальный. А станка, в самом деле, нет.

Рыжий дернулся лицом. Ну и неженка он, однако!

– А зовут тебя – Сергей? – рыжий снова полез с вопросами.

– Да.

– Может, не Сергей?

– Может.

– Нажимай сильней. Уже ничего. По началу только. Сейчас нормально.

Кровать рыжего стояла в палате направо от двери, у окрашенной масляной краской стены, у других двух стен, в сторону окна, лежали в своих постелях армянин с аппаратами Елизарова на обеих руках и подполковник запаса, мужчина на вид лет пятидесяти, со сломанной ногой, поднятой на растяжку.

– Слышишь, санитар? Можно тебя попросить? – обратился подполковник к Сергею. – Принеси мне другую книгу. Что-нибудь про войну. Мемуары. А то в этой сопле одни, любовь, я не могу читать.

Сергей закончил с рыжим, сунул бритву в карман, взял книгу у офицера и пошел в библиотеку, обменять ее. Библиотека помещалась в другом корпусе, на другом этаже, и, между прочим, за целым лабиринтом переходов и лестниц. Через двадцать минут он вернулся с новой книгой. А подполковник запаса повел себя как козел.

– Надо же! Он не забыл! – выкрикнул он с усмешкой и в наказание закашлялся кашлем курильщика.

– Отстаньте от человека! Что пристали к человеку?! – сердито сказал армянин, затем отвернулся лицом к стене и замолк. Ему никто не ответил.

– Про что тут? Про моряков? Ну, сойдет, – полистав книгу, заключил подполковник запаса.– Спасибо, санитар. Извини.

Оставался час до обеда. Сергею захотелось домой. Он съехал на грузовом лифте в подвал, прошагал по мрачному коридору, зашел в клетушку, в комнатку метров восемь, где ему выделили жилье. Что-то подступало к груди, разрасталось, схватывало за горло. Ярость или слезы? Он не мог понять, хотя было так не впервые. Только знал, что все закончится ничем – и ни ярости, и ни слез.

– Кем же я раньше был? – улегшись на кровать, закрыв глаза и прислушиваясь к чувству в груди, спрашивал Сергей у себя.– Что если – уголовником? И потому вот – ярость? Но ведь у них – наколки, а у меня – их нет. Мышцы у меня как у хлюпика – не имел физического труда. Может – интеллигентом? Инженером там или кем? Подкараулили воры, стукнули по башке – и вот, пожалуйста, и ничего не помню... Но, подожди, написали в карточке – не было травм и ссадин...

Его отыскивали в августе. Утром. В лесу, за городом. Это он помнит – как он в лесу ходил, спал на земле и мерз. Помнит и дорогу. Машина. Скалится шофер из окошка:

– Что, одубел, нарколога? Лезь в кабину, до остановки тебя подброшу!

На конечной остановке троллейбуса он просидел с утра до глубокой ночи. Там и забрали в милицию, потом привезли сюда.

Это был военный госпиталь, несколько зданий, построенных в сосновом лесу, в пяти километрах от города. Здесь, в третьем корпусе, на втором этаже Сергей провел пару месяцев, пока его считали больным и пытались его лечить госпитальные психиатры, еще молодые парни, недавние выпускники медицинского института. Одного из них, потливого, толстого, звали Андреем Васильевичем, а другого, высокого, строгого – Игорем Ильичем. Хотя Сергей не относился к военному ведомству, доктора из любознательности решили заняться им и для этого оставили его в своем отделении.

– Не волнуйся, мы тебе поможем, – говорил Сергею при первой встрече толстый Андрей Васильевич. К Сергею все тогда обращались на «ты», должно быть, за его расхлястаный вид.

Тогда, в первые дни и недели, сначала в лесу и потом в госпитале, он, действительно, волновался, даже паниковал. Он не мог понять, кто он? где он?

– Ты среди друзей, успокойся, – повторял, вытирая платком пот у себя на лбу, толстый Андрей Васильевич, а Игорь Ильич молчал, избоку посматривал на Сергея одним глазом, как худая, большая птица.

Все, что врачи говорили, он понимал, словарный запас его был хороший. Он сумел назвать все картинки – танк, собаку, дом, автомат и другие, – которые ему показывали на цветных листах сперва Андрей Васильевич а потом и Игорь Ильич.

Ему дали карандаши и велели рисовать, что он хочет. Он нарисовал большой гриб и себя, маленького, рядом, под его шляпкой. Этот рисунок долго рассматривали врачи.

Его принялись расспрашивать о том, что случилось несколько минут назад, несколько часов, что было утром? Он помнил все и рассказывал. Помнил он и милицию, и шофера в машине, и лес. Но вот как очутился в лесу и все, что было до этого, вспомнить он не сумел. Врачи испробовали гипноз, но ничего не узнали нового. Осенью им надоело тратить на него силы, на работе появились другие заботы, от него, наконец, отстали, но и выгонять его, на зиму глядя, на улицу пожалели и пока оставили здесь, кстати, чтоб еще немножко понаблюдать.

Сергей отлично справлялся с черновой работой, официально он не был оформлен, однако называл себя санитаром.

Через час, отдохнув в каморке, Сергей поднялся из подвала на свой участок – настало время развозить еду лежачим больным. В седьмой палате, раздав тарелки рыжему и подполковнику, Сергей подсел к кровати армянина и начал с ложки его кормить, самостоятельно есть тот не мог, проволочные аппараты мешали согнуть руки в локтях.

Рыжий немного поковырял и отставил свою тарелку. У него, как обычно, не было аппетита.

– Санитар, а вдруг тебя ищет кто-то? – спросил рыжий, сползая спиной с подушки – пока ел, он сидел, прислоняясь к ней, – потом он поерзал на матрасе, укладываясь и, наконец, угнезвился.

– Не ищут.

– Не может быть.

– Не ищут, – повторил Сергей, поднося ко рту армянина ложку с кашей и облипшим в ней кусочком котлеты.

Кормил его Сергей уже третий день, но тот все равно стеснялся. Имя армянина он запомнил сразу, как только его услышал – Мелик. Отчество, странно, имел он русское – Павлович.

– Мелик Павлович, я никуда не тороплюсь. Не спешите, а то подавитесь, – поизнес Сергей, но армянин проглатывал еду, почти не прожевывая, он хотел поскорее избавиться от санитаря и своей униженной, детской роли.

– Обязательно ищет мать, – уверенно сказал рыжий. – Неужели ты мать не помнишь?

– Не ищет. Про меня писали в газетах. Я ничего не помню.

– Удивительно! – сказал рыжий, всматриваясь в Сергея. – Голова как голова у тебя, а что творится в ней – всем загадка... Разве ты по ним не скучаешь?

– Нет. Мне о ком скучать?

– Шиза это – вот что.

– Я нормальный, – возразил ему Сергей и обиделся. – С августа я помню все. А до этого – как стена.

– Отвяжись ты от человека! – проглотив комок пищи, выкрикнул Мелик Павлович.

Рыжий замолчал, не ответил.

Днем приехала в госпиталь жена рыжего. Под вечер, завернув по делам в седьмую палату, Сергей с ней встретился взглядом. Жена, еще молодая женщина, растеряно посмотрела на санитаря, на судно в его руках, скользнула и сразу отдернула взгляд с одеяла мужа, от места, где, по идее, должны быть ноги. Рыжий заметил это и усмехнулся.

Жена говорила рыжему: она верила, что он жив.

– Тебе больно? – спрашивала она, зажимая пальцами себе переносицу, чтобы успокоиться, не реветь. А вопрос, о котором подумала, побоялась ему задать.

Через день она улетела домой, так и не спросив его об этом, и снова он усмехнулся.

Рыжему Матвею Уфимцеву, гвардии-майору, не повезло. Его штурмовик был сбит. Он катапультировался и, раненый, долго шел, потом полз бесконечно долго. Обморозился. Выбрался к своим. Руки ему спасли, на ногах развилась гангрена. Сделали ампутацию. Теперь он лежал в палате, смотрел на сосны за окном и после отъезда жены молчал.

2

– Ешьте, ешьте. Надо есть. Ешьте, – говорил Сергей рыжему вечером следующего дня, подавая ему тарелку.

Рыжий, словно его не слыша, молча смотрел в окно.

– Сережа, оставь ты его в покое, – не утерпев, вымолвил Мелик Павлович.

– Долго без еды – ослабеешь.

Рыжий на подушке чуть передвинул голову. Он еще с минуту смотрел на силуэты сосен за стеклами, потом медлительным движением скосил глаза на санитару и произнес:

– Как узнать, где она?

– Кто?

– Где стена?

– Какая стена?

– Ты знаешь.

Мутные глаза рыжего смотрели на Сергея устало. Сергей в этот миг почувствовал, что рыжий не так уж рыж. Рыжина его светлых волос могла быть почти незаметной, когда бы не оттеняла ее бескровная, бледная кожа лица и рук.

– Мне б научиться только ее поставить. Если ты знаешь, как – ты скажи. Как сделать ее, преграду. Тебе же вот удалось.

В негромком голосе рыжего Сергей улавливал муку. И он не смог отказать ему просто так.

– Я попытаюсь. Быть может, вспомню.

– Ты вспомни – чтоб мне забыть, чтоб с чистого листа все, сначала. Ты научи меня, я смогу.

– Вы съешьте только. Немного. Съешьте.

– Ты обещаешь мне?

– Я? Ну да...

Медсестра объявила отбой, щелкнула выключателем – палата булькнулась в темень и растворилась в ней. За серым окном фонарь продолжил бесцельно пылить свет в заснеженное пространство. Потом подполковник запаса включил в изголовье ночник, вновь убедился, что читать от него невозможно, ругнулся и отключил. Скоро раздалось его дыхание, потом засопел Мелик Павлович. Только Матвей не спал. Он думал о прошлом, о том, с чем хотел проститься.

Плохое, что было в жизни, Уфимцев совсем не помнил. Наверно, что-то стерлось, другое, хоть не забылось, сделалось нереальным, как память о боли давнишних ссадин, которой не вызвать въявь. Он за плохое не беспокоился, он пытался забыть хорошее, то, что вцепилось хваткою, с чем он хотел расстаться...

Вот за таким окном в детстве он видел коней. Впрочем, не за таким. Их деревянный дом просел на левый передний угол и то окно, в углу, немного перекошилось.

– Матвей, держись хорошо за раму. Тихонько! Не оступись!

Ему, быть может, четыре, а может и меньше лет. Он, стоя на подоконнике, через двойные стекла пытается разглядеть, как по заснеженному проулку, мимо забора, деревьев под снежным пухом, мимо их дома шагают бодрые лошади, наряженные, в пополах. Они идут вереницей, каждая за собой тянет беговую коляску на двух колесах. В колясках, выставив вперед руки, одетые в рукавицы, сидят мужики и дергают длинные вожжи.

– Матвей, ну пойдём. Замерзнешь, – зовет его баба Оля.

Она за него боится, и любит его, как все.

А на комод в комнате – железная старая кружка, в нее из стеклянной банки ему наливают «гриб». Когда допьешь, запрокинешь кружку, сунешься в нее носом, можно увидеть дно. Там из черточек, точек, царапин, если смотреть на них долго, словно из ниоткуда вдруг возникают лица незнакомых ему людей.

Мама его – загадка. Она сидит на стуле в обычном своем халате. Он к ней подходит, и меряется по пуговицам халата. Радует, что вырос, достал макушкой до второй пуговицы от верха. Но в следующий раз мама стоит на кухне, опять он подходит к ней и видит, что ростом он, как и прежде, по самую нижнюю пуговицу – и не может понять, как так?

– Матвейчик, ты папу ждешь? – интересуется мама.

Он отвечает:

– Нет.

Она напугана, произносит:

– Матвейчик, а почему?

– Он колючий.

Папа его шофер, он ездит в командировки, привозит ему подарки, радуется ему, целует и больно колет. Всякий раз Матвей и ждет его, и боится его приезда, а когда, вернувшись, папа колет его лицо своим ртом и щеками, старается не заплакать.

Вот папа приехал, смеется, подбрасывает вверх его, ловит, хочет поцеловать. Но мама отняла Матвея, поставила его на пол, уводит папу из комнаты и что-то там ему шепчет, опять слышен папин смех. Потом он приходит к сыну, уже побритый и очень гладкий, и осторожно целует – не больно совсем, не страшно...

Гвардии майор Матвей Уфимцев чуть шевельнул под одеялом культиями ног, захотел почувствовать мышцы. Сдержался, не застонал. Стараясь не двигать таз, он повернулся плечами на бок, дал отдохнуть спине, она от лежания ныла. Такого тяжелого сына отец не подбросит вверх.

...Тогда, давно. Лето. И он гуляет. Ему разрешили впервые у дома гулять одному. За пустой дорогой, наискосок – каменные два дома. Хотя и нельзя, но тянет его туда. И подойдя к проему между домами, он видит у толстого тополя большую группу ребят. Он к ним подходит ближе. Он удивлен, он смотрит. За толстую ветку тополя перекинута веревка с привязанной к ней доской, на доску усажен парень, его закручивают, он вертится со страшною быстротой. Но вот Матвея заметили, многогласо учинили ему допрос:

– Рыжий! Ты кто? Откуда? Ты где живешь?

– Я там, – он машет рукой направо.

– Значит ты из нашего двора! А звать как тебя?

– Матвейчик.

Ему любопытно. Не утерпев, он спрашивает у них, зачем они крутят парня? Наперебой с другими ему объясняет кто-то:

– Мы тренируемся десантниками! Вон там за заборами – Софинский двор, хулиганы. Мы будем их бить в сентябре. А там, в десяти километрах, за сопкой, есть город Кушва. Надо кушвинских бить всегда! Пойдешь с нами? Ты будешь кушвинских бить?

– Буду! – ответил Матвей убежденно...

Боли совсем не чувствуется, но надо скорей домой.

– Мальчик! Ты обморозился! Да стой! Стой! Ну, стой!

Незнакомая женщина голой рукой на морозе достает из сумочки зеркальце и платок.

– Погляди, у тебя нос побелел! Быстрее, а то будет поздно!
Она платком растирает ему лицо. Руки, должно быть, у ней у самой замерзли...

Женщины...

Вдруг он заметил, что у каждой дикторши – груди. Телевизор смотреть стало сложно...

Мама:

– Что ты хочешь на День рождения?

– Фотоаппарат.

И купили. Он снимает школу, дома, улицы и машины, всех знакомых и всю родню. Ленин на постаменте, на площади, одет в обычный костюм, в ботинки. В сквере обнаружился еще памятник – какой-то мужик в гимнастерке и сапогах, от дождей у него крошится поднятая рука. Много фотографирует одноклассников. Мальчиков – порознь и группами. Девочек – лишь толпой. Там в толпе, в шали и валенках, есть одна. Но об этом – молчок! Молчок!..

– Товарищи курсанты! В две шеренги стройсь! Ровняйсь! Смирно!

Топот по бетонным плитам, торопливое толкание, тишина. И опять стало слышно кузнечиков возле летного штаба, из клумб.

Матвей стоит в первом ряду, он на хорошем счету, ему не страшно встретиться взглядом с любым инструктором.

Зачитывают приказ. С летным заданием справились все. Всем им присвоена квалификация военных летчиков третьего класса.

Сверху – яркая синева. Небо! Ну, здравствуй, небо!

На ступеньках у штаба делают снимок на память. Матвей поднимает пальцы, безымянный и указательный – это виктория, знак победы.

На завтра его вызывают в штаб. Старшие офицеры отстраненно строги.

– Объясните, курсант Уфимцев, как вы набрались наглости на такое? Председатель комиссии в бешенстве. Зачем вы ему подставили рожки?

– Это виктория, знак победы!

– Он пригрозил вас законопатить, куда Макар телят не гонял. Вам ведь обещали Прибалтику? А теперь отправляйтесь служить в Читу!..

Вершина горы накренилась, боевой разворот. Штурман кричит ему справа:

– ПЗРК, майор!!!

– Вижу!!!

Полная тяга. Разрыв.

– Катапультироваться! Володя!

Рукоятки катапульты – вверх. Не откусить бы язык. Колпак кабины отстрелен. Не потеряй сознание! Все! Рывок.

СУ-24МР – «Р» – это значит разведчик, – в пламени летит вниз. А за ним нацелилась в склон горы маленькая огненная стрелка. Володя!!!...

Лишь под утро он засыпает.

Утром в палату входит Андрей Васильевич, молодой, чрезмерно толстый. Он садится на стул, сопит, рукавом вытирает лоб. Потом говорит Матвею:

– Ваша жена...

– Она не жена.

– А она сказала...

– Она не жена мне.

– Ну, ладно...

Потом, помолчав, продолжил. Он говорил, что все меняется, надо набраться сил, напоминает о мужестве и о долге. Он говорил, говорил, потому что Матвей молчал. Когда психиатр устал и уже подумал, не позвать ли ему на помощь Игоря Ильича, Матвей вдруг спросил его:

– У санитаря, Сергея какой диагноз?

– У санитаря? Гм.. Да, в общем-то, – никакой...

Но майор начал сердиться, и тогда добродушный Андрей Васильевич, чтобы его успокоить, вынужден был сказать:

– Точно я не уверен. У Сергея... Есть подозрение. Диссоциативное расстройство личности. Если в двух словах. Посттравматическое или стрессовое расстройство. А впрочем, не утверждаю...

– А почему у меня не так?

– Товарищ майор, люди... Все люди разные. Как – почему? Не знаю я, почему...

Ближе к вечеру, в свою смену, пришел Сергей. Сразу было заметно, как торопится он уйти. Матвей Уфимцев подозвал его, не пустил:

– Ну, ты вспомнил?

– Про что?

– Про что!.. Вспомнил способ, как все забыть?

Сергей замотал головой: не вспомнил.

Мелик Павлович со своей кровати выкрикнул возмущенно:

– Да оставь ты его в покое!

Подполковник запаса внезапно захлопнул книжку, стал отчитывать Мелика Павловича:

– Все отстанем друг от друга? Каждый – сам по себе чтоб, ага?!

Потом он сказал Уфимцеву:

– Спрашивай, спрашивай, майор у него, пусть научит!

И Сергею:

– Научи, не жлобься ты! Научи его, научи!..

Больше света белого

1

9 Мая 1995 года был светлый юбилей замечательного события – 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне, а ровно за неделю до того, в первомайские праздники, к ветерану этой войны Андрею Петровичу Харину стали идти прощаться родные и знакомые. Андрей Петрович Харин находился в растворенном, обтянутом красной материей, околоченном по верхней кромке черною, забранною воланами шелковой лентой, сосновом гробу. Гроб этот был помещен наискосок в комнате на двух табуретах, головою – к востоку, в угол у окна, и ногами в сторону двери. Покойный до груди был укрыт бордовой атласною пеленой, отогнутою на груди, так что было заметно еще, что под нею лежит на Андрее Петровиче ослепительно чистая белая простынь.

Приходившие прощаться могли видеть только хорошо причесанную седую голову с расправленною по лбу и вдоль висков церковною полоской бумаги со словами молитвы, узкое лицо, плечи и верхнюю часть груди худошавого старика, одетого в голубую свежую рубашку и в казавшийся неношеным отутюженный серый костюм. На багровую пелену были складены одна пальцами к другой, ладонями на грудь, руки; левая кисть, распрямленная, лежала плоско и в нее, между указательным и средним пальцами, вставлена была и запалена тонкая восковая свеча, а правая – у выболевшей лет двадцать тому назад и засохшей руки, как и всегда у него при жизни, была неплотно сжатой в кулак.

В самом углу, в головах у Харина, располагался на тумбочке черно-белый простой телевизор, закинутый белой простынью, и на нем, в стакашке на простыни, наполненном сухим рисом, горела воткнутая в рис желтая восковая вторая свеча, перед установленной вертикально на телевизоре фотографической карточкой с портретом усопшего и так же вертикально поставленной подле нее маленькой олеографическою иконкою в фольговой рамочке.

Большая крышка гроба с нашитым на красную ткань длинным черным крестом, стояла книзу узким концом, во весь рост у стены, рядом на полу помещались в ряд вдоль стены три венка с сочными клеенчатыми цветами и искусственной зеленью, с широкими траурными лентами, на которых золотыми буквами читалось: на первой – «Дорогому любимому мужу от жены», на другой – «Дорогому отцу и деду от любящих детей и внуков», и на третьей – «Харину А. П. – от друзей и ветеранов В. О. В.».

В просторной комнате было прохладно, свежо, пахло воском, яркое, праздничное, весеннее утро высвечивало комнату сквозь задернутые тонкие шторы. По временам без звонка и без стука открывалась наружная дверь и в квартиру заходили по одной или по две старушки с обвязанными платком головами, или изредка – семейные пары: какая-нибудь старушка в платке и старичок с непокрытой, седой полысевшею головою, с фуражкой или со шляпой в руках. Осторожно озираясь и легкими кивками головы здороваясь с находившимися в квартире, они молча продвигались к гробу, крестились, бормотали: «Царствия небесного тебе, Андрей Петрович», и молча смотрели на покойного, потом тихонько, стараясь не зашуметь, отходили от него и, осведомившись вполголоса, во сколько часов будут выносить тело, оставляли квартиру.

В холодной однокомнатной квартире постоянно присутствовала седая старуха – жена Андрея Петровича. Обычно она лежала в расстеленной постели здесь же в комнате, где был и гроб, или, иногда – сидела возле покойного мужа на своем деревянном табурете с колесиками, который ей заменял кресло-каталку. В комнате на стене – от окна до двери и по коридору – от двери до кухни были укреплены на уровне пояса сидящей старухи гладко оструган-

ные деревянные жерди, перехватывая по которым позади себя рукой, и подтягиваясь за них, при этом еще отшаркивая от пола здоровой ногой, старушка приспособилась ездить кое-как, спиной вперед, на своем табурете по дому.

Имя жены Андрея Петровича было – Полина. Это была деревенская, чрезвычайно сильная и дородная женщина. В позапрошлом году она неудачно оскользнулась зимою на льду, свалилась и сломала себе одну ногу у самого сустава в тазу. После тяжелой для нее операции с наркозом, в которой ей в ногу был вставлен в кость металлический шип, она пролежала больше года в кровати все на одном боку, и хотя была одно время уже так плоха, что все начали думать, что она не выживет, она понемногу наконец начала шевелиться, переваливаться в постели сама с бока на спину и потом, помогая себе руками, опять поворачиваться со спины на тот же здоровый бок. Затем научилась она спускаться с кровати на пол не искалеченную ногу, садиться в постели и перелазить с кровати на табурет, который ее зять Вовка оборудовал ей колесами. Дела ее пошли заметно на лад, и хотя эта круглолицая когда-то старуха очень осунулась за время болезни, чувствовала она себя теперь достаточно бодро и в голубых ее глазах, бывших весь год больными и мутными, стал опять появляться блеск.

С раннего утра в день похорон Полина Игнатьевна с помощью приехавших на похороны своих детей, одела опрятное, почти новое платье, кофту, теплые чулки и тапки, причесалась, обвязала голову черным платом и, поддерживаемая с двух сторон детьми, пересела на табурет.

С большим любопытством смотрела она, сидя у стены на табурете, на прощающихся с ее мужем и крестящихся людей. Приходившие были все ей знакомы и всех почти она не видела уже год или два. С изумлением теперь примечала в ровесниках острым зрением она следы резко совершающегося старения.

Вот пришла Клавдия Сорокина, сгорбившаяся и чуть не на голову от этого став ниже, опираясь на бадажок, смастеренный из лыжной палки – никогда прежде ее не встречала Полина с бадажком. Вот пришли дружные между собою всю жизнь две семейные пары. Одна пара – Тамара и Федор Андреевские; Федор – фронтовик, у которого на пиджаке медали завешивали в два ряда слева всю грудь и с несколькими орденами на правой стороне пиджака, до сих пор статный и громадный мужчина, как редко бывает кто и в молодую пору и, кажется, нисколько не седой, – шел через силу, еле передвигая большие ноги и так же как и сама Полина, шабаркая ими по полу. И вторая семейная пара стариков – Тамара и Герман Ермаковы; Герман, рассказывали, некогда был заводским активистом, спортсменом-конькобежцем, сделался же теперь совершенно сед, округлился в туловище и стал маленьким, голова у него свесилась вперед вровень с плечами; Тамара, жена его, еще сильнее похудела и, чего раньше с ней не бывало, появилась на людях в выцветшем демисезонном пальто и в разбитых потертых туфлях.

И сегодня, в день похорон, и вчера, когда прекратилась вокруг нее суета, связанная с оформлением справок и организацией погребения и окончательно прояснилось, что все должно получиться как следует и точно в срок, Полина Игнатьевна успокоилась и стала себя чувствовать как-то странно. Ей было удивительно понимать, что она теперь будет жить без мужа, за которым провела замужем полвека, и одновременно – она испытывала удовлетворение от того, что ее старик, которому уже давно следовало, по ее мнению, умереть – наконец, в самом деле умер. Вместе с тем, было ей радостно, что собрались сюда все их дети: две дочери, жившие в одном с нею городке, и четыре сына, съехавшиеся из разных городов; и в добавок – ей было в удовольствие убедиться, что о муже ее помнит и приходит его проводить столько народу. Однако, все приходившие попрощаться – она видела – уже были сами очень стары и сами могли вот-вот поумирать, и ей становилось досадно, что к ней самой, если она еще поживет, – пожалуй, что на похороны приходиться будет некому...

Высокая женщина в трауре следом за Ермаковыми медленно вошла в комнату, опустив вниз еще не увядшее, но очень морщинистое лицо, и встала позади них у гроба. Печально

посмотрела она в промежуток между спинами старухи и старика на лицо покойного с полоскою бумаги на лбу и, не в первый уже раз за эти дни, подумала, как хорошо, что у старика такое степенное выражение лица. Это выражение словно бы сосредоточенности на чем-то и строгости более всего поддавало к торжественной атмосфере прощания – к беззвучному стоянию сразу нескольких человек вокруг гроба, к редкому потрескиванию свечей, к занавешенной мебели, к шагам, к приглушенному шепоту, иногда доносившемуся из прихожей и из кухни.

Ей было приятно думать, что все совершается так, как нужно, и особенно же делалось приятно от мысли, что и все приходившие так же были должны непременно понять, что все организовано как нельзя лучше.

Лицо скончавшегося старика нисколько не изменилось после смерти и каждый присутствующий, взглянув на него, сразу про себя отмечал это. Губы его застыли, чуть тронутые улыбкой, однако улыбка эта нисколько не нарушила всего важного его вида. Появлялось впечатление, что старик посмеивается над торжественным ритуалом, решив все же исполнить эту свою последнюю обязанность как следует до конца.

Старик лежал такой нарядный, спокойный, причесанный и выбритый и по его улыбке было несомненно, что он уже не испытывает ни малейшей боли. Возле него ей становилось особенно понятно, что то, никому не ведомое до конца превращение, которого до последнего дня своего так боялся старик, совершилось с ним. Она опять вспомнила, каким он был несколько дней тому назад – со спутанными колтуном волосами, с седой щетиной на щеках и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.